

ЕВА ТРЕЗОР



СВОДНЫЕ.

*Люди и
(не) умирай*

Ева Трезор

Сводные. Люби и (не) умирай

«Литнет»

2026

Трезор Е.

Сводные. Люби и (не) умирай / Е. Трезор — «Литнет», 2026

Тот, кого я должна остерегаться больше всех, всё это время жил рядом. Но любовь пришла тихо... и доказала, что умеет убивать громче любых выстрелов. Секреты, опасность и поцелуи на грани — моё новое настоящее. Но если у судьбы есть свой замысел — у меня есть мой. И, когда прошлое с грохотом вырвет дверь, мне придется научиться самому главному — выбирать тех, кто выбирает меня. Он сломал сотни людей, оберегая ее. Но... Кто его остановит? Возрастной ценз: строго 18+ Доступен Буктрейлер во вкладке рядом. Темная романтика Опасные мужчины Жаркий секс Власть и боль Токсичная любовь Одержимость График выхода прод: пн/пт 17:00 МСК. В первые несколько дней - по 2 главы в день. Все видео (18+) размещаются в моем телеграм-канале [Eva_Tresor](#)

© Трезор Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Ярослава. Обычная жизнь.	5
Глава 2. Ярослава. Обратный отсчёт.	9
Глава 3. Захар. Сложные обстоятельства.	13
Глава 3.1. Захар. Помощь Ясе.	16
Глава 4. Мирон. Надо действовать.	19
Глава 5. Захар. Совмещаю приятное с полезным.	22
Глава 5.1. Захар. Заслуженный релакс.	25
Глава 6. Ярослава. Секретики.	27
Глава 7. Захар. Во что ты влезла, сестренка?!	31
Глава 8. Мирон. Киллер.	35
Глава 9. Захар. Фотостудия.	39
Глава 10. Ярослава. Семейные разборки.	42
Глава 11. Захар. Тщетный поиск.	45
Глава 12. Мирон. Я должен все знать.	49
Глава 12.1. «Подарок» Глеба.	53
Глава 13. Захар. Лгунья!	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Глава 1. Ярослава. Обычная жизнь.

Мягкий свет лампы заливает рабочий стол. За окном уже давно сгустилась непроглядная ночь, а я наслаждаюсь тишиной и сосредоточенно работаю над проектом. Пока не начинаются эти непонятные шорохи, тонкие, прерывистые стоны. И ритмичный звук движения кровати, бьющейся о стену. Доносится это из комнаты сверху. Там, где мой сводный брат Захар и одна из его очередных подружек, ломают кровать.

Я раздражена. До чертиков.

Мой внутренний перфекционист протестует. Это неправильно. Но сейчас дело не только в этом. Захар. Просто идиот с тупыми шутками и вечным наплевательством на все, что не касается его задницы.

Знаю его с детства, люблю, как родного брата, но что-то в нем изменилось. То ли взгляд стал скользким, то ли шутки — еще более издевательскими. А может причина — разница в возрасте, ведь он старше меня на семь лет. В любом случае, бесить он меня стал сильнее.

Пытаюсь впихнуть свои мысли обратно в дурацкие фракталы. Вот, рисую очередную спираль. Но вместо учебы в мыслях — горячее тело, прижимающееся к другому. Шуршание простыней, которое, кажется, вот-вот раздается в моей черепной коробке.

Пальцы сжимают карандаш, а по телу пробегает мелкая дрожь. Это уже обида. Почему Захару можно приводить в дом разных девок, а я должна встречаться со своим парнем, выискивая укромные места?

Смотрю на часы. Половина двенадцатого ночи. Смерд чужой похоти уже проник в мою комнату чьим-то вонючим парфюмом.

Звуки становятся громче, отчетливее. Слышу, как Захар что-то хрипло шепчет, и она смеется. А потом стоны становятся такими протяжными и томными, словно они специально делают это громче, будто до меня ещё не дошло, чем они занимаются!

Я думаю о Максиме. Интересно, а он думает обо мне?

Встаю, подхожу к окну. Лбом ощущаю приятную прохладу, закрыв глаза.

Неохотно смотрю на стол. Фракталы, чтоб их... Беру книгу, листаю. Но взгляд скользит по строкам, словно они написаны на чужом языке.

С меня хватит!

Стучу в дверь Захара. Слышатся шорохи, тихий смех. Дверь открывается, и он передо мной: взъерошенный, с голым торсом, в домашних штанах. Из-за его спины доносится шум воды. Та самая девушка скрылась в ванной. Сердце странно ёкает. Неужели зависть? Нет, глупости. Но почему тогда сильно колотится в груди, когда Захар стоит так близко, пахнущий сексом и мятным бальзамом для губ?

— Захар, хватит уже заниматься этим на весь дом! — выпаливаю я, сжимая ручку двери, как спасательный круг. — Ты мешаешь мне сосредоточиться, в конце концов. Бордель устроил... Это ужасно!

— Нет, Ясь, на самом деле это приятно, — невозмутимо произносит он и чешет затылок.

— Ты не можешь водить этих девушек в отель?

Захар приподнимает бровь и медленно облакачивается о дверной косяк, складывая губы в насмешливую ухмылку.

— Не пробовала спать ночью, а не уроки делать? — произносит он сладким ядовитым тоном, словно разговаривает с капризным ребенком.

От подобной снисходительности у меня закипает кровь. Я, не скрывая ярости, подхожу к нему вплотную.

— Что я делаю ночью — мое личное дело! — выдыхаю, сверкая глазами. — Или ты совсем забыл, что есть личные границы, как только засунул руки в трусики своей подружки?

Захар резко прикусывает губу, и я замечаю, как напрягаются его челюсти. Он глубоко вдыхает.

— В следующий раз буду искать более тихих спутниц. Но тебе повезло. Мы уже закончили, — произносит он неестественно спокойно и зевает.

Пренебрежительно фыркаю и складываю руки на груди, намеренно скользнув взглядом вниз по его телу, которое я, в принципе, видела миллион раз.

— Да уж, «закончили»... Громко сказано, — язвительно замечаю. — Рада, что это дело заняло всего пять минут.

В его глазах вспыхивает азарт. Он наклоняется так близко, что я чувствую его теплое дыхание на щеке.

— А ты считала? — насмешливо шепчет он.

Я мгновенно отпрянула, чувствуя, как предательский румянец заливает щеки. Хотела уколоть брата, а неловко стало самой.

— Ладно, я рада, — закатываю глаза и разворачиваюсь в другую сторону, как вдруг Захар хватает меня и начинает щекотать. Злость и непонятно с чего взявшийся задор захватывают. Я смеюсь, хотя жажду вмазать по этой самовлюбленной физиономии.

— Захар, блядь... — выкрикиваю, задыхаясь от смеха. — Прекрати.

— Иди спать, малышка, учиться надо днем.

— Ты не понимаешь, у меня две пересдачи. Уроки сами себя не сделают.

Захар блеснит хитрыми глазами и оглядывается на свою «девушку», которая уже вышла из душа и с интересом за нами наблюдает.

— Иди спать. Придумаем что-нибудь.

Захар захлопывает дверь, а я еще несколько секунд стою одна в коридоре, пытаюсь переварить мысль, что она, черт возьми, красивая. Высокая блондинка со стройной фигурой.

На утро просыпаюсь по первому требованию будильника. Душ. Чистые вещи.

Спускаюсь на кухню. Отец уже завтракает и читает что-то в телефоне, отчего его лицо сразу становится серьезным.

Ему сорок девять, но он выглядит... иначе. Всегда такой уверенный в себе. Морщины вокруг глаз только придают ему мужественности.

У отца туристический бизнес. Огромные лайнеры. Там прикольно, целый город на воде.

— Как спалось, солнце? — интересуется отец, не отрывая сосредоточенный взгляд от дисплея телефона.

— Могло бы быть и лучше... — чмокаю его в щеку и сажусь за барную стойку напротив. — Пап, когда мы уже переедем в мамин дом? Иногда мне кажется, что этого никогда не случится...

— Осталось немного. Настроим видеонаблюдение, подключим технику — и можно переезжать.

— Ну... всегда что-то мешает, — недовольно бурчу себе под нос.

— Готовь сумки.

Дом, в котором когда-то жила мама, сгорел много лет назад из-за проблем с проводкой. Она чудом спаслась. Мы решили построить дом на том самом месте. И вот уже несколько лет его строим...

Она погибла в автокатастрофе. Я тогда была совсем маленькой.

— Доброе утро! — Захар проходит на кухню и наливает кофе в большую кружку.

— Доброе. Пол-литра кофе с утра? — усмехается отец.

— Иначе я хрен проснусь, — выдыхает Захар и делает глоток из кружки, прикрывая от наслаждения глаза.

Черный. Горький. Без сахара. Фу! Даже смотреть на это — пытка.

Захар опирается плечом о холодильник и его мускулистое тело растягивает тонкую футболку, очерчивая стройный силуэт.

— Яся, что ты говорила про косяки в институте? — внезапно уставившись на меня, произносит этот идиот.

— А что там? — переспрашивает отец и поднимает на меня пронзительные глаза.

Я резко разворачиваюсь на барном стуле, так что мои светлые волосы с синими прядями разлетаются веером, и бросаю на Захара уничтожающий взгляд.

— Ничего, пап. Я не знаю, что несет этот придурок.

— Яся, выбирай выражения, — хмурится отец.

— Может, не расслышал или не так понял, — тянет Захар, продолжая хитро смотреть на меня, словно подловил, мерзавец.

— Захар, сегодня нам нужно обсудить кое-что важное, — низкий, властный голос отца разрезает затянувшуюся тишину. — Связанное с поставкой... новых камер наблюдения для лайнеров. Возникли проблемы.

Замечаю сосредоточенный и серьезный взгляд брата. Вечно они говорят о работе. Да, я понимаю, что все это слишком серьезно, и нельзя упустить никаких мелочей из виду. Ведь туристические лайнеры перевозят больше трех тысяч пассажиров.

Телефон разрывается от сообщений. Максим.

«Яся, я жду тебя возле магазина. Время тик-так...» — читаю сообщение и обращаю внимание, который час. Опаздываю!

Замечаю, как Захар с едва уловимой тенью неодобрения наблюдает за мной, и скрываю улыбку за напущенной надменностью.

— Извините, я опаздываю.

Хватаю рюкзак и уже собираюсь выходить.

— Ярослав, ингалятор! — кричит отец с кухни.

— Взяла! — нащупываю в кармане куртки баллончик и тороплюсь по направлению к магазину, где меня обычно ждет любимый.

Виджу Максима и ускоряя шаг, с наслаждением обнимаю его, будто вечность не видела.

— Привет, сокровище! — он накрывает меня своими большими руками и прижимает к груди.

Мы с ним играем на контрастах. Я — маленькое сокровище, а он — великан из сказок. Я очень люблю его и с нетерпением впираюсь в его губы.

— Скоро отметим мой ДР в клубе.

— Это единственное, ради чего стоит жить! — смеюсь ему в ответ.

— Как учеба? Пересдала физику?

— Нет, послезавтра. Я просто дура, — злюсь я. — Сдала хорошо ЕГЭ и думала на этом самое тяжелое закончилось. Как я могла быть такой беспечной? Забила на учебу, теперь пожинаю плоды.

— Подтянем твою учебу, не переживай. Я тоже забивал. Что там сидеть столько пар?! Иногда надо устраивать себе отдых, — улыбается Максим и снова целует меня, мягко придерживая за подбородок.

Доезжаем на метро до института и расходимся каждый по своим корпусам. Максим учится в магистратуре юридического факультета. Он старше меня почти на шесть лет, но мы все равно вместе! Я же выбрала при поступлении физмат. Вот ведь дура, здесь действительно надо учиться...

Сегодня день тянется особенно тяжело. У моей подруги, Авроры, температура. Просто чудесно. Даже поговорить не с кем. А новый преподаватель информатики меня особенно раздражает.

Выжатая, как самый последний на этой планете лимон, я доползаю до дома...

— Отец дома? — спрашиваю сводного брата, как только захлопываю входную дверь.

— Без понятия. Мечтаю залезть в ванную и согреться, продрог до костей, — отвечает Захар, кусает бургер, и в три прыжка оказывается на втором этаже.

— Меня это не интересует! — кидаю рюкзак на пуф и направляюсь на кухню, даже не снимая куртку. Как может продрогнуть человек, который жопу из машины не вытаскивает?!

Только открываю холодильник, как вдруг гаснет свет.

— Черт... поужинала. Этот проклятый день когда-нибудь закончится?

Вынимаю из кармана широких джинсов телефон и включаю фонарик. Направляюсь в подвал. Наверное, выбило пробки. Но ни Захару, который уже плещется в ванне, ни нашему телохранителю, Антошке, до этого нет дела. Им бы только саблями махать! Могут делать это по пять часов в день. Когда мы жили на Филиппинах, Захар клинок из рук не выпускал. Ненормальные...

Я медленно спускаюсь вниз по ступеням в подвал, освещая себе путь.

Едва поворачиваю за угол, как вздрагиваю от неподвижного силуэта мужчины, мгновенно отскакиваю и вскрикиваю. Фигура не реагирует, продолжая светить перед собой автомобильным фонариком.

Узнаю отца. Он стоит спиной ко мне. Выдыхаю, ощущая, как холодный пот течет по спине.

— Пап, ты меня до смерти напугал! — достаю ингалятор из куртки и делаю глубокий вдох. Он единственный тут адекватный. Сразу же пошел в подвал, чтобы включить свет. — Что случилось? Выбило пробки?

Он стоит среди невысоких стеллажей и аккуратно сложенных коробок. Луч фонаря выхватывает из мрака детали — блестящие боковины коробок, легкую паутину в углах. Но мои глаза мгновенно цепляются за другое.

Там, в центре, прямо перед отцом, на старом кресле лежит нечто... Небольшая коробочка, явно самодельная, из темно-серого пластика. Из нее торчит пучок тусклых, как будто оплавленных, проводов. На маленьком тускло мерцающем дисплее убывают секунды, сопровождаясь характерным едва различимым писком. Пик. Пауза. Пик. Пауза. Шесть минут...

Глава 2. Ярослава. Обратный отсчёт.

Меня охватывает ледяной и парализующий шок.

Телефон дрожит в руке, его рассеянный свет мечется по стенам, словно пытается убежать от того, что я вижу. Слова застряли где-то глубоко в горле. И этот писк, исходящий от странного устройства... он словно стал громче, навязчивее, отсчитывая наши последние мгновения. Пахнет чем-то едким, химическим, чего я раньше не замечала, но сейчас этот запах, назойливо провоцирует рецепторы. Взгляд отца прикован к этому маленькому, зловещему устройству. Его лицо, освещенное тусклым светом фонарика, кажется, не имеет ни единой эмоции. Только длинные, тонкие пальцы нервно дергаются рядом с коробкой, словно он борется с собственным желанием прикоснуться к ней и изменить ход времени.

Он знает, что эти шесть минут — это не просто время, отсчитываемое до конца какого-то эксперимента. Это время до взрыва...

Вдруг отец резко подается ко мне, его рука крепко сжимает мое запястье с такой силой, что под кожей тут же проступают багровые отпечатки его пальцев.

— Беги! — его голос звучит хрипло, не скрывая тревоги.

Мой взгляд мечется между его перекошенным от ужаса и злости лицом и темным провалом лестницы, по ступеням которой мы стремительно поднимаемся. Я вижу отца таким впервые! И оттого ноги совсем не слушаются!

— Убегай дальше от дома!

— Папа, стой! Захар... Он в ванне! — вырывается у меня крик, но отец уже толкает меня к выходу. Его глаза — два расширенных зрачка в обрамлении лопнувших капилляров.

— Немедленно уходи, Яся! — рычит он, и в этот момент где-то на втором этаже раздается глухой удар, будто что-то тяжелое упало на пол. Отец бежит вверх по ступеням, я чувствую, как слезы текут по щекам от осознания всего ужаса.

Вылетаю на улицу, и холодный ночной воздух обжигает легкие. Ноги сами несут меня через дорогу, минуя двор, но уже через несколько десятков метров в груди возникает знакомое, ужасное сжатие. «Нет, только не сейчас...» — мелькает мысль, когда я начинаю задыхаться. Дрожащие пальцы шарят по карманам куртки — пусто. Ингалятор остался там, в подвале! Он выпал, когда отец тащил меня вверх по лестнице. О, Господи!

Горло сдавливает невидимой удавкой. Я падаю на колени на детской площадке, цепляясь за холодные металлические качели и замедляю дыхание, но от страха сердце долбится о ребра, заставляя глотать кислород большими порциями. Пытаюсь вдохнуть хоть немного воздуха, но вместо этого из легких вырывается лишь хриплый свист. Глаза заливаются слезами, мир расплывается.

— Яся! — слышу голос отца за спиной.

Он видит, что мне плохо, как я пытаюсь сделать вдох, но не могу.

— Черт! Смотри на меня, дыши медленно, — его ладони ложатся мне на плечи. — Ярослава! Слушай меня.

— Что с ней? — слышу позади голос Захара.

— Ебанный ингалятор остался в доме! — кричит отец, тщетно ощупывая мои карманы. — Черт! Останься с ней!

Отец, что есть сил, бежит куда-то в темноту, а я так хочу, чтобы он остался.

Вместо воздуха — лезвия, разрывающие грудь изнутри.

— За-хар... — хриплю, впиваясь ногтями в рукав его куртки.

Он тут же присаживается рядом, одной рукой поддерживая мою спину, другой отодвигает воротник куртки.

— Дыши, Яся. Медленно, через нос, — его голос ровный, но пальцы дрожат. Я качаю головой, в глазах темнеет. Не получается. Совсем не получается.

— Слушай меня! — Захар легко хлопает меня по щеке, заставляя сфокусироваться. — Держись. Ты же знаешь, как надо дышать!

Его теплая ладонь на моей щеке нежно поглаживает, хотя его собственное дыхание участилось.

Пытаюсь кивнуть, но тело сотрясает новый спазм. Губы синеют, в ушах — звон.

— Нет, нет, нет! Смотри на меня! — Захар резко поворачивает меня к себе. — Помнишь, как в прошлый раз в аэропорту? Ты справилась тогда, справишься и сейчас. Вдыхай через нос и медленно выдыхай. Дыши, Яся, черт возьми!

Он начинает ритмично сжимать мои плечи, задавая темп.

— Вдох... выдох... вдох... — глаза Захара расширены от ужаса, но голос тверд.

Вдруг раздается внезапный раскат грома, настолько сильный, что кровь стынет в жилах. И тут я понимаю, что именно это было... Захар замирает, прислушивается и оглядывается по сторонам, отвлекаясь от меня на несколько секунд, затем сильно стискивает мою руку.

— Это все херня! Главное, что ты сейчас здесь. Ты не умрешь! Слышишь? Я не позволю, сестренка. Все будет хорошо!

В последний момент, когда сознание уже уплывает, я падаю на бок и чувствую, как губ касается ингалятор. Горьковатый вкус салбутамола. Первый жгучий глоток воздуха. Они смотрят на меня во все глаза.

Наконец облегчение. Я откашливаюсь, жадно глотаю воздух.

Захар обнимает меня так, будто хочет вдавить в себя. Его сердце колотится настолько громко, что я чувствую его сквозь куртку. Отец обнимает меня со спины. Как же я их люблю! Невольно плачу от счастья.

— Малышка моя, — шепчет отец мне на ухо, — ты захотела, чтобы я сдох от сердечного приступа?

Спустя двадцать минут рядом с детской площадкой равняется машина. Не просто машина, а черный «Майбах» близкого друга моего отца — Сергея Михайловича Калмыкина.

— Мирон, хорошо, что ты мне позвонил. Я на этой неделе плотно работаю в столице, — выдыхает Сергей Михайлович, пожимая руки отцу и брату, попутно вытирая салфеткой пот со лба. — Ярослава, дорогая, ты бледная, все хорошо?

— Все в порядке, — киваю в ответ, и он прижимает меня к своему широкому боку, как котенка.

— У нее случился сильный приступ, — сквозь зубы произносит отец, плохо прикрывая гнев. — Надо отправить Ясю в безопасное место. Дело серьезное, мать его.

Отец поглаживает меня по плечу, но не отрывает пристального взгляда от лица Сергея Михайловича, словно пытается транслировать то, что нельзя произнести вслух.

— Костя, ты лично отвечаешь за Ярославу, — произносит Сергей Михайлович и смотрит на своего телохранителя.

Костика я давно знаю. Он глава службы безопасности у Калмыкина. Он очень крутой. Костик улыбается, и по-дружески подмигивает, принимаясь что-то оттирать с моего лба.

— Яся, ты испачкалась.

Неловко улыбаюсь ему и поглядываю снизу вверх.

Недовольный Захар крепче прижимает меня к своей груди, словно не хочет, чтобы на меня смотрел Костик.

— Все нормально, Захар. Я больше не задыхаюсь, — пытаюсь вывернуться, но он не дает, сильнее прижимая меня своими огромными ручищами. Так и стою, уткнувшись носом в обнаженную грудь с запахом ментола и деревяшек — его неизменный гель для душа. Только сейчас замечаю, что Захар в шлепках, шортах и куртке. Торопился и бежал, в чем был.

Наш дом... Его больше нет.

— Сегодня переночуем в отеле, — говорит отец.

Калмыкин отмахивается и хмурится.

— Мирон, на хрен тебе отель? У меня пустует чертов двухуровневый пентхаус, который я продаю уже два года. Это судьба! Остановитесь в нем. Почти четыреста квадратов. Он стоит больше, чем пресловутое крыло самолета... — смеется Сергей Михайлович.

Захар пристально наблюдает за отцом, кажется, эта идея пришлась ему по вкусу.

— Круглосуточное видеонаблюдение, на входе не консьерж, которого с венками ищут, а нормальные подготовленные ребята. Своя закрытая территория. Подумай. Отель тебе не предложит такую защиту, — продолжает с хитрым прищуром Сергей Михайлович, — и бонусом — отличный вид на Москва-сити. Я мечтал туда перебраться, но давление меня доканает. Туда-сюда на скоростном лифте... Я уже не в том возрасте, чтобы так экспериментировать.

— Согласен. Остановимся у тебя на время, — говорит отец и нежно проводит по моей щеке костяшками пальцев.

— Там действительно все схвачено. Территория безопасна. Коды на камеры я отправлю тебе, Мирон, — твердым голосом сообщает Костик.

— Костя, Ясю отвези в пентхаус, нам с Сергей Михалычем надо пообщаться, — нетерпеливо приказывает отец.

— Ты не поедешь? Поехали со мной, — я вливаюсь в рукав пиджака отца.

— Солнце, мне надо заняться делами. С тобой останется Костик, будет рядом. Ингалятор у тебя?

Я безнадежно показываю баллончик и хмурюсь. Так мне не хочется его отпускать. Маму я потеряла в детстве, теперь мне страшно, что я могу потерять и его. Этого я просто не переживу!

— Я могу остаться с Ясей, — Захар плечом отодвигает Костика, — тем более я тоже устал и не против отдохнуть. А завтра отвезу ее в институт.

— Ты мне рядом нужен, — цедит сквозь зубы отец.

— Я не пес, отец, — почти рычит Захар в ответ, чем мгновенно вызывает гнев отца.

Ему даже не нужно произносить ни слова, чтобы брат все понял.

— Я не говорил, что ты пес, — отец сжигает Захара требовательным взглядом. — Мне нужен тот, кому я доверяю. Погнали.

Отец подмигивает мне и скрывается в машине Калмыкина. Захар целует меня в макушку и вслед за отцом садится в машину, прикрывая обнаженный торс краями куртки.

Я с грустью смотрю в их сторону, все еще пребывая в полном шоке.

— Ярослав, пойдём, — Костик подталкивает меня к своей «Ауди». — Помчим, как ветер. Пристегнись только.

Сажусь в машину и пристегиваюсь ремнем безопасности, инстинктивно продолжая сжимать в кармане жестяной баллончик.

— То, что произошло сегодня — серьезно. Сейчас Сергей Михайлович и твой отец разберутся во всем, не переживай. Что все-таки стряслось, Яся? Подробности можешь рассказать? — Костик поглядывает на меня, параллельно набирая кому-то в телефоне.

— Там было что-то похожее на взрывчатку... У нас свет пропал, и я пошла в подвал.

Костик замолкает, постукивая телефоном по ладони.

— Смелая ты, — ухмыляется Костя и заводит машину наконец.

— Да брось, Кость. Я просто была сильно голодна и... — вспоминаю про свой неудовлетворенный голод, и желудок скручивает, — надо было покушать разогреть.

— Сейчас все будет.

Пока мы едем, Костик заказывает по нашему новому адресу доставку готовой еды.

Пентхаус Калмыкина действительно впечатляет! Помимо того, что нас десять раз осмотрели при въезде на территорию и при входе в небоскреб, так еще и камер везде наставлено чрезмерно много.

Мы за минуту взлетели на самый высокий этаж здания. От непривычки у меня даже немного закружилась голова.

Первый уровень — одно сплошное открытое пространство. Замираю, уставившись в гигантские панорамные окна, которые опоясывают весь периметр. Я под впечатлением!

— Наверху, если память мне не изменяет, несколько крутых комнат. Выбирай самую последнюю, там невероятная плазма, и вид из окна мне нравится больше. Я пакеты с едой на кухню занесу.

Недолго думая, я направляюсь к изящной, словно парящей лестнице, ведущей на второй уровень. Медленно направляюсь туда, где меня ждет что-то интересное, минуя две двери. В моей комнате паркет покрыт ковром с высоким ворсом, мебель в основном обтекаемых форм: рабочий стол, компьютерное кресло, высокая кровать и... Огромная плазма во всю стену.

Убираю куртку в пустой шкаф и решаю прилечь на пять минут, чтобы перевести дух. Засыпаю... Могу расслабиться, но только пока...

Глава 3. Захар. Сложные обстоятельства.

— То, что ты мне рассказал, действительно опасно, Мирон, — протягивает Калмыкин и выдыхает густой клуб дыма в окно автомобиля. — Подозрения есть?

— Какие подозрения? — рычит отец. — У меня наркокартель в Бразилии. Каждый debil с возможностями и связями, который почувствовал, что у него между ног есть яйца, может попытаться меня вальнуть. Или ты забыл, какое наследство мне передал Маттеус, мать его, Перрейра?!

Калмыкин смиряет его задумчивым взглядом.

— Хорошо, но, как и, главное, кто смог притащить это в твой подвал?

Мирон растерянно отводит взгляд

— Охуенный вопрос, на который у меня пока нет ответа, — отвечает отец, повышая голос в конце. — Кто днем был в смене, Захар?

— Леха и Влад.

— Сергей Михалыч, добрось нас до моего штаба.

— Разумеется.

— Сейчас главное, что Яся в безопасности.

Мирон набирает номер главы службы безопасности в России. В Бразилии этим занимается его давний друг, Жорже.

— Толян, собирайтесь все в штабе. Я уже еду, — спокойно командует он. — Абсолютно все. Будут приняты карательные меры. Не оправдывайся, блядь, просто делай, что говорю...

Он завершает вызов и задумчиво вглядывается в ночную пустоту.

Кто-то смел проникнуть в наш дом и установить взрывчатку. Это промах. Только наш промах. Отец будет жесток. Мне уже приходилось несколько раз становиться свидетелем разборок. И, признаюсь, я больше не хочу в этом участвовать, но у меня нет выбора. Я погряз в этом уже очень давно.

— Пушка есть? — разрывая тишину спрашивает Мирон.

Калмыкин неодобрительно смотрит на него и усмехается.

— Дружочек, — обращается он к своему угрюмому телохранителю, — поройся в бардачке.

Тот, не теряя времени, открывает бардачок и достает пистолет, протягивая Мирону. Отец, удобно перехватывая оружие, удовлетворенно поглядывает на Калмыкина.

Через час подъезжаем к штабу. Несколько зданий с охраной и высоким забором, скрытых лесным массивом. Ворота мгновенно пропускают «Майбах» на территорию.

Здесь цивилизация заканчивается и начинается наша реальность. Воздух вдали от города пахнет хвоей и гарью. Запахи, которые стали для меня родными.

Скрип дорогих шин о гравий — это звук, который я слышал тысячу раз, но сегодня он отдается в груди особенно тревожно. Мой приемный отец выходит из машины первым, его силуэт на фоне черного неба кажется высеченным из того же металла, что и стены нашего производства. Я следую за ним. Напряжение, которое мы оба тащили на себе последние часы, никуда не делось. Машина Калмыкина разворачивается и медленно выезжает за ворота. Он не заинтересован в продолжении.

Внутри нас уже ждут. Глава службы безопасности, мускулистый Толик, с хмурым серьезным лицом, как всегда. Старый друг отца, Сеня. Он с тревогой смотрит на нас, прекрасно осознавая, что будет дальше. Также в комнате находятся несколько телохранителей. По их взглядам я моментально угадываю, что ничего хорошего они не ожидают. И те двое — Леха и Влад, из сегодняшней смены. Они стоят чуть поодаль, вижу, что сильно нервничают, но стараются держаться уверенно.

Отец не стал тянуть. Его взгляд пронзительным лазером скользнул по каждому присутствующему, останавливаясь на Толике.

— Скажи мне, Толян, — высокомерно произносит он низким и ровным голосом, от которой стынет кровь. — Как, блядь, в моем подвале оказалась взрывчатка? Мысли какие-то есть?

Отец словно черпает страх из самой атмосферы, концентрируя и направляя на тех, кто, по его мнению, заслуживает.

Сеня открывает рот, чтобы что-то сказать, но мотает головой, словно сам не согласен со своими мыслями.

Отец не ожидает ответа от Толика. Его рука быстрым, отточенным движением выхватывает пистолет. Щелчок. И грохот выстрела в замкнутом пространстве оглушает. Влад, стоявший чуть ближе, хрипло вскрикивает, его нога подкашивается, и он падает на пол, схватившись за истекающее кровью бедро.

— Чёрт! — Рычит Влад, по-прежнему не решаясь взглянуть на Мирона.

— В доме были неполадки с электричеством, — тут же подает голос Леха, его напарник. Голос дрожит, но звучит относительно связно. — Приезжал электрик. Но он быстро ушел, буквально через пять минут. Было удостоверение, служебная машина — все как полагается. Олег проверил его по базе, подтвердил, что это электрик. Мирон, у него был допуск к дому, мы всё сделали по протоколу. Он уже не первый раз приходит!

— Значит, он там был один? — рычит отец.

— Да... — выдыхает Влад, словно только что вынес себе смертный приговор.

— Отец опускает пистолет медленно, борясь с собой. Его губы растягиваются в улыбке. Но это не улыбка радости. Это смех. Холодный, леденящий, вырывающийся из груди с каким-то звериным рыком. Даже я, привыкший к вспышкам его гнева, чувствую, как мне становится не по себе.

Отвожу взгляд, прокашлявшись, мои самые неприятные догадки могут воплотиться в жизнь.

— Электрик, значит? — выдыхает Мирон. — Олег проверил... А вы сразу решили, что в носу можно продолжить ковырять?

Он вновь поднимает пистолет, направляя его на Влада, который стонет на полу.

— Отличная работа.

Снова выстрел. Короткий, глухой. И Влад затихает. Кровь медленно растекается по полу жуткой лужей, а Мирон, не дрогнув, смотрит на тело. Его взгляд возвращается к Лехе.

— Электрик, — повторяет он. В голосе слышится такое презрение, которым можно убить. — Служебная машина, да? Ты должен был по пятам идти за ним, глаз не спускать, мать твою!

Глаза отца горят диким огнем, и я осознаю, что он не остановится. Ощущаю непривычную сухость во рту, хочу что-то сказать, но никакие вменяемые варианты не приходят на ум! Его ярость сейчас безгранична, а методы — бесчеловечны. Но именно это делает его тем, кто он есть. Тем, кто выжил там, где другие гибли. Я чувствую, как моя собственная натура борется с необходимостью стать таким же холодным и безжалостным, чтобы быть в состоянии защитить семью. Ясю. Но и что-то во мне вечно протестует. Так нельзя. Это бесчеловечно. Но я прекрасно осознаю, что это был непростительный промах со стороны охраны.

— То есть, что же получается? Если бы вечером не выбило пробки, по какой-то случайной случайности, то я, моя дочь и мой сын, ничего не подозревая, уже лежали бы в мешках?!

— Твою дивизию... — тянет Сеня, присаживаясь возле мертвого Влада, разглядывая, как кровь под ним расплывается огромным пятном.

— Мирон, я лично разберусь с ситуацией. Дай шанс Лехе, он нормальный малый. Мы найдем ублюдков, обещаю! — пытается вступиться Толик.

Отец, не раздумывая, направляет в его сторону пистолет. Толик вскидывает руки, округляя глаза еще больше.

— Отец, нам нужна информация от Лехи, чтобы выйти на них, не горячись. Прошу, — не выдерживаю я, прекрасно осознавая, что сейчас отец может положить здесь всех, чтобы унять гнев, бушующий в груди.

Мирон опускает пистолет и набирает номер Олега, старшего программиста, продолжая недовольно разглядывать Толика.

— Олег, как ты уже знаешь, мой дом разлетелся в клочья. Мне надо знать все, что ты сможешь вытащить. Они сказали, что электрик навещался днем. Какого черта ты решил, что он настоящий электрик? — Олег что-то ему говорит по телефону, и Мирон вроде бы с ним соглашается. — Лады, тогда задача номер два. Проверь все доступные и недоступные камеры вблизи моего дома. Что-то должно проясниться.

Отец прячет телефон во внутренний карман пиджака и смиряет всех гневным взглядом.

— Толян, ключи мне от тачки отдай.

— Мне поехать с тобой? — спрашивает Сеня.

— Нет. Завтра придут новые лайнеры, свяжись с Фернандо, он введет тебя в курс дел. Захара — в Питер. Ты здесь встретишь груз.

Толик без вопросов передает ключи от своего «БМВ» и Мирон медленно направляется в сторону выхода.

— У меня еще остались дела, отец, — твердо говорю я.

— Дела? — оборачивается отец.

— Да, я хотел убедиться на счет системы безопасности в пентхаусе Сергея Михайловича.

— До встречи, — бросает отец и выходит.

Глава 3.1. Захар. Помощь Ясе.

Я тотчас набираю Олегу.

— Я занят сейчас заданием твоего отца, если что-то не срочное, то подождет.

— Ты ничего не перепутал? Я тебе не поболтать звоню. Через час буду у тебя. Есть разговор.

— Захар...

Не собираюсь выслушивать, скидываю звонок.

— Толян, мне нужна свободная тачка.

— Без проблем, пойдем. Парни, свободны.

— Захар, какой у Фернандо номер? Я не могу дозвониться... — выдает Сеня, тыкая в свой рабочий кнопочный телефон. — Чертова хрень не набирает.

— Попробуй тональность сменить, — советую ему и следую за Толиком.

Сеня. У него всегда возникают проблемы на ровном месте. Не понимаю, почему отец поручает ему ответственные задачи.

Толян ведет меня к машинам, которые находятся в штабе на всякий случай. Например, на такой.

— Алло, Глеб, прикати катафалк с уборщиками в штаб. Да, срочно. Мирон чуть не положил нас всех. — Нервно говорит Толик. — А ты, сука, проницательный. Именно. Дом его взорвали. Давай резче, я не люблю, когда здесь жмурики!

Мы спускаемся на минус первый этаж, Толян заходит в комнату охраны и берет ключи у дежурного.

— Когда вернешь тачку? — интересуется он.

— Когда новую куплю, — почти серьезно отвечаю.

Прыгаю в машину и направляюсь к Олегу.

Ситуация очень сложная. Так еще у Ярославы хвосты в институте. Она в последний год сильно изменилась. Как поступила в универ, стала такой скрытной, не рассказывает ни о чем, все приходится клещами вытаскивать. Не то, чтобы я лез в ее жизнь, нет. Просто она моя сестра, и я забочусь о ней с детства.

Громко стучу в дверь Олега.

— Здорово. Что хотел? — открывает он и впускает меня внутрь.

— У меня к тебе небольшое дельце. Десять минут твоего драгоценного времени. Может, двадцать. Я хочу, чтобы ты залез в базы института и нашел мне инфу кое-какую.

— Бля, — он тянется к пачке сигарет. — На хуй? У меня работы по горло!

— Сейчас же. Ты дольше препираешься.

Олег видит решительность в моих глазах и быстро клацает по клавиатуре, недовольно надувая щеки.

— Что за институт?

— Ярославы.

Олег хмыкает и почесывает затылок.

— Так... И зачем?

— Хвосты у сестры, помочь надо.

— Ну, давай посмотрим.

На несколько минут он пропадает во множестве окон с программными кодами, сосредоточенно вглядываясь в монитор.

— Посмотри, по каким дисциплинам у нее хвосты?

— Ярослава Романова... физмат, первый курс, — Олег поправляет очки и хмурится. — Термодинамика и молекулярная физика — не зачет, препод — Васильева Марина Андреевна. Ниче так, секси на фотке.

— Дальше.

— И туда же отправляется векторная алгебра — не зачет. Лужицкий Александр Александрович. Из него уже песок сыпется, ясен хер, что ему не сдают, — смеется Олег. — Ярослава вообще посещает? Ты посмотри — она же прогуливает!

— Это все парень ее, Максим, — я просто взбешен. — Она с ним зависает. Лоботряс ебаный.

— Золотые годы, — смеется Олег. — Секс, наркотики и рок-н-ролл, брат.

— Да уж. Распечатай.

Забираю лист из принтера и уже собираюсь уходить.

— Захар, я должен сообщить об этом Ему.

Оглядываюсь на Олега с удивлением.

— С какого перепугу?

— Мирон должен знать, чтобы принять меры. Иначе мне пиздец. Слышал, он уже Влада сегодня приговорил...

Понимаю, что если Мирон узнает о проблемах Яси, то у нее будут проблемы побольше. Я не могу этого допустить.

Я быстро оказываюсь возле Олега и прижимаю его к стене, чувствуя, как тонкое тело дрожит под моей ладонью.

— Слушай внимательно, — грозно шепчу я, стараясь сохранить спокойствие, хотя внутри все кипит. — Если ты посмеешь сказать Мирону про Ярославу, ты пожалеешь. Не бойся его, бойся меня...

Олег кашляет, его очки сползают на кончик носа.

— 3-захар, я обязан... Это моя работа... — невнятно бормочет он.

Я чувствую, как что-то внутри меня надламывается. Бедный парень, он просто пытается быть честным. Но ради Ярославы... Я яростно сжимаю кулак и резко вгоняю в живот Олега. Он складывается пополам с тихим стоном.

— Наша беседа зашла в тупик, — говорю, поддерживая его за плечо, пока он приходит в себя. — Это не то, о чем тебе следует сообщать Мирону. Ты же давно с нами работаешь. Я даже и не помню, сколько. У тебя есть все, к чему «здесь» привыкают... И жена, о которой мечтают многие. Что, если ты все потеряешь? Не будет такого дохода, не будет излишеств и крутых путешествий? Скажи Мирону — и поймешь, чем слова отличаются от последствий. Пока я предлагаю договориться...

В глазах Олега читается паника.

Он кивает и с трудом переводит дыхание.

Отпускаю его, ощущая горечь во рту. Кого я обманываю? Использую методы Мирона, потому что они эффективнее, чем просто слова.

Поздней ночью возвращаюсь в наш временный «дом». Устал ужасно.

Все будто вымерли — только далекий шум машин за окном. Поднимаюсь по лестнице на второй уровень и внезапно замечаю свет под дверью Ярославы — тонкая полоска, почти серебряная. Тихо толкаю дверь и останавливаюсь.

Ярослава сидит за столом, вся погруженная в работу. На столе — макет, провода, медные катушки, схемы, какие-то странные приборы. Свет настольной лампы выхватывает ее образ из темноты. Тень ресниц следами от крыльев ложится на кожу. Она увлеченно прикусывает губу, шурится, прижимает контакт шупом, и коротко трещит искра.

Я стою и просто смотрю.

Она не замечает меня — слишком увлечена. И в этой сосредоточенности есть что-то... завораживающее. Ярослав двигается осторожно, но при этом удивительно грациозно. Она машинально заправляет на виске прядь волос, не отрывая взгляда от схемы, что-то черкает в тетради карандашом.

Раньше я видел в ней просто упрямую девчонку с кучей амбиций. А сейчас — умную, собранную женщину. Красивую в своем упрямстве. От этого странно щемит где-то под ребрами. Не успел заметить, что она выросла.

— Ты вообще спать собираешься? — спрашиваю тихо. Мой привычный бас хрипнет.

Она вздрагивает, поворачивается. В глазах — удивление, потом усталость.

— Захар? Что ты тут делаешь?

— На часах два ночи. Люди обычно не собирают катушки Фарадея в это время, — пытаюсь улыбнуться, но получается неловко.

— Это часть проекта, — отвечает она, и в голосе столько серьезности, будто речь о чем-то жизненно важном. — Если не сдам — мне конец! Я итак уже затянула сроки.

Киваю, делаю шаг ближе.

— Интересно, почему...

— Что?

— Да ничего.

Ее пальцы все еще держат провод, кончики слегка дрожат. Свет падает на лицо, и я вдруг замечаю, как красиво он скользит по ее коже и по линии шеи. Ярослава почти не использует косметику и это делает ее лицо таким настоящим, что невозможно оторвать взгляд. Есть в ней какая-то внутренняя красота. Та, что досталась от Анжелики...

Не понимаю, что на меня находит. Просто наклоняюсь и медленно целую ее в щеку, пока она увлеченно листает страницы учебника.

Я просто хотел поддержать или показать этим, что она не одна. Я всегда помогу ей, даже если она об этой помощи никогда не узнает. Но задерживаюсь дольше, чем следовало.

От нее пахнет озоном и кофе. И мир будто останавливается, пока я делаю вдох. Осознаю, что стою слишком близко. Что она это тоже поняла.

Ярослава резко поворачивается, смотрит прямо мне в глаза.

— Что это было? — говорит тихо, но голос дрожит от абсурдности ситуации. Затем добавляет, как строгая учительница: — Уходи, Захар, ты мне мешаешь.

Отступаю, чувствую, как кровь шумит в ушах.

— Прости. Просто... ты выглядишь усталой. Хотел... — не знаю, что хотел. Чтобы она перестала быть такой недостижимой? Чтобы на секунду перестала быть просто «Ярославой, которая все знает»?

Она молчит. Смотрит.

И в этом взгляде — все сразу: растерянность, недоумение и неловкость. Даже злость.

Я легко улыбаюсь и оставляю ее.

Глава 4. Мирон. Надо действовать.

Прошлое. Четырнадцать лет назад.

Я сижу во дворце, который Глеб зовет своим кабинетом. Стол — монстр из красного дерева обладает внушительными размерами, и он весь завален хламом. Глеб наслаждается бутылкой виски, которая стоит больше, чем годовой доход целого квартала в фавелах Бразилии. Воздух давит тяжестью дыма от сигары — кубинской, разумеется. Ничего дешевого для этого ублюдка. Я лично подогнал ему подарок. Глеб нервно тянет ее, пепел сыплется на лакированную поверхность стола, но ему плевать.

— Глеб, мне нужно, чтобы ты заказал киллера, — мой голос бесцеремонно разрезает тишину, вынуждая Глеба замереть и уставиться на меня во все глаза.

— Киллера? — ухмыляется он, словно пытается себя убедить в том, что это шутка. — И кого он должен убить?

— Меня...

Глеб замирает, сигара зажата в зубах, дым клубится вокруг его лица. Он внимательно смотрит, расширяя глаза от искреннего удивления. Затем кашляет, выплевывая дым, и роняет сигару на ковер. Она тлеет там, оставляя след на ворсе, но ему наплевать. Он сразу же достает новую.

— Не понял. Ты не в себе, Мирон?! Или это такая шутка? Смешная, очень смешная, я чуть не обоссался! — Глеб пристально смотрит. — Это же... Это безумие.

— Всем известно, что я жестко тебе ответил, когда ты решил изменить правила игры, — тяну я. — Да, я уделал тогда твоих неповоротливых амбалов.

— Что было, то было...

— Нет, нет, нет. Это сыграет мне на руку. Все будут думать, что это месть. Ведь тебя нагнули твои «партнеры» за этот промах?

В этот момент дверь бесцеремонно распахивает его фигуристая секретарша и с порога выдает высоким голосом:

— Глеб, звонили «сверху». Спрашивают о сроках. Что передать?

— Черт, — Глеб замолкает, делая глубокую затяжку, — К дьяволу. Передай, пусть ждут.

— Ждут? Они?! И долго ждут?

— У меня дела поважнее, пусть ждут, я сам перезвоню! — ворчит он. — Все равно без меня вопрос не решится.

Она недовольно хлопает дверью, и Глеб ухмыляется.

— Да, нагнули меня и жестко. Твоими стараниями, Мирон. До сих пор дерьмо это хаваю. Спасибо, друг.

— Вот... — зло ухмыляюсь я. — Поэтому ты наймешь киллера. Профессионального. Такого, который знает свое дело лучше, чем я знаю, как трахать женщину до потери сознания.

— Ты всегда был сумасшедшим ублюдком, но это... Это переходит все границы. Ты пьян? Я владею сетью казино, а не чертовым бюро убийств.

— Только так я смогу выйти за заказчика Анжелики...

— И как это поможет найти убийцу твоей жены? Объясни, потому что я не вижу логики в этой херне!

Я не улыбаюсь и не моргаю. Впиваюсь глазами прямо в него. Я серьезнее, чем в тот момент, когда держал еще теплое, но уже безжизненное тело Анжелики.

Встаю медленно, опираюсь кулаками на край стола. Дерево скрипит под моим весом, как стон под пыткой. Глеб хватает новую сигару из хьюмидора, чиркает зажигалкой — пламя пляшет, отражаясь в его непонимающих глазах.

— Я — та точка, после которой все уже мертво. Анжелику хладнокровно убил профессионал. Чистая работа, без следов, но подставили Алмейду, а я... Я купился, подумал, что это он нанял ублюдка, и убрал его лично. А вместе с ним чуть не перестрелял всю его семью. Выпустил в него целую обойму, Глеб. По ошибке, мать твою! А теперь понимаю: это была ловушка. Кто-то дергает за ниточки из тени, и этот кто-то все еще дышит, наслаждаясь своей игрой. Я разве марионетка, Глеб?! Нет... Я найду этого сукина сына и сделаю с ним такое, о чем и говорить боюсь.

Глеб затягивается глубоко, дым выходит рваными клубами, он морщится, пытаюсь осмыслить.

— Мирон... Анжелика... — его голос дрожит, но в нем слышится глубокий, искренний интерес, как бездна, в которую он боится заглянуть. — Я слышал шепотки, но думал, это преувеличения. И теперь эта херня с киллером для тебя? Объясни толком, как это поможет? Рискнуть своей шкурой, чтобы выманить настоящего убийцу?

Я холодно усмехаюсь уголком рта.

Наклоняюсь ближе, понижая голос до рычания. Слова падают тяжело, как капли крови на пол, раскрывая глубину моего плана, той тьмы, что кипит внутри меня с тех пор, как Анжелика ушла.

— Охотиться буду я. И тот зверь, который мне нужен, принадлежит к секретной организации. Это тени из самой бездны, куда не каждый богачей нос сунет, не то что ногу. Эти профессионалы... Они коллекционируют убийства интересных личностей. Для «галочки», как трофеи в своей больной коллекции. Заказы выбирают они, а не как мы с тобой привыкли, искать исполнителя.

— Раз эти парни настолько круты, точно ли они клюнут?

— Я — единственный хозяин всего бразильского наркокартеля. После убийства Алмейды все сосредоточено в моих руках: потоки кокаина, миллиарды, власть, которая жжет пальцы. Я — жирный кусок для всех, Глеб. Уверен, какой-нибудь пидор из их рядов заинтересуется. Ключет на наживку. Распусти слухи по своим каналам, ведай бурный поиск исполнителя для вида, но следи за настоящими. Вытащи их из нор. Разроешь землю, сожжешь мосты — мне все равно. Потому что... — я хватаю его за ворот шелковой рубашки, дергаю ближе, так что сигара падает ему на колени, и он шипит от боли, искажая лицо. — Если нет, то следующий заказ будет на тебя.

Глеб пытается отодвинуться, но я крепко держу его за ворот. Нервозность Глеба на пике — дыхание хриплое, глаза дикие. Он тянется за виски, чтобы залить страх, но бутылка дрожит в руках.

— Понял, Мирон. Блядь, понял. Но это... это самоубийственная игра. Организация? Коллекционеры убийств? Звучит как бред из фильмов, но... дело твое. Начну с темных каналов, распушу инфу: огромный куш за твою голову. Следить буду, как ястреб.

— Вот такая суровая реальность, чтоб ее, — медленно прохаживаюсь по комнате, разглядывая затейливые гобелены со жрицами любви. — Ты же понимаешь, что награда за мою голову будет настолько высокой, что у всех слюнки должны течь?

— Разумеется. Я ж не дурак! Скажу, что мне нужен самый лучший исполнитель, потому что только такой сможет справиться с этой задачей. Но если что-то пойдет не так... Мы оба сгорим.

— Гореть не так больно, как ты думаешь...

— Поверь, закажу тебя настолько профессионально, что ты ахуеешь, друг.

— Его называют Жук. Эта падла — связующее звено с исполнителями. Связь только через него. И Жук — моя цель.

Глаза не отрываются от Глеба. Он нервно тушит сигару на ковре ногой и проливает виски.

Выхожу из заведения Глеба, просчитывая варианты. Нельзя облажаться. Это непозволительная роскошь. Достаю гарнитуру-переводчик с португальского и вставляю в ухо.

— Все порешал, босс? — спрашивает Жорже, начальник службы безопасности.

Я теперь никуда не выхожу без сопровождения своих парней. Рискованно.

— Да, заварушка намечается ахеренная, — ныряю на пассажирское сиденье темно-синего «Бентли».

— Все будет четко.

— У меня не будет второго шанса.

— Главное, чтобы ублюдки клюнули на тебя.

Месяц назад я решил, что пора покидать Филиппины и возвращаться на Родину. У нас с Калмыкиным много совместной работы, летать туда-сюда осточертело.

После убийства Анжелики прошло чуть больше года. Все это время я планировал, как обставить дело таким образом, чтобы Им стало интересно, чтобы Они точно клюнули. Торопиться было нельзя и, несмотря на мое нетерпение порвать всем глотки, пришлось ждать и прокручивать в голове разные сценарии. Но стало совсем тяжело удерживать жаждущего крови зверя в такой клетке, из которой он не смог бы выбраться. Я научился терпению. Вынужденному терпению. Но, когда я встречу Их, я не обещаю, что...

Он.

Будет.

Милостив.

Глава 5. Захар. Совмещаю приятное с полезным.

Мчусь по оживленным улицам Санкт-Петербурга на черном «Гелике». Двигатель неистово рычит под капотом, а ветер через приоткрытое окно хлещет по лицу, смешиваясь с соленым привкусом моря, что тянется из порта.

Отец отправил меня в вынужденную командировку, а мысли у меня вовсе не о работе... Каждый день, как хождение по лезвию ножа в нашем семейном бизнесе, в котором Мирон дергает за ниточки, а я — его правая рука, и должен выполнять приказы без лишних вопросов. Размышления прерывает звонок Мирона.

— Захар, ты проверил склады на окраине?

— Пустые, готовые к загрузке. Нелегалы расфасовали товар за ночь за дополнительную плату. Все ушло по адресатам.

— Очень хорошо. Мотай в порт. Лайнер прибует к вечеру, груз должен уйти без заминок.

И вот я ношусь весь день. Сначала заехал в заброшенный ангар, где упаковывают товар — белый порошок, что течет рекой из Южной Америки, тщательно скрытый в контейнерах с тропическими фруктами в туристических круизных лайнерах. Они достались отцу после того, как скончался Маттеус Перрейра, его друг и известный в определенных кругах наркобарон Бразилии.

Я проверил, все ли пломбы в порядке, просмотрел документацию. Затем рванул вперед, через пробки, мимо сверкающих небоскребов и любопытства прохожих, чьи взгляды скользят по моей бронированной машине с затемненными стеклами.

Город пульсирует вокруг. Сирены полицейских машин вдалеке заставляют сердце стучать чаще, но я спокоен — наши связи крепки, мне точно ничто не угрожает.

По пути я заскочил в кафе, схватил двойной эспрессо, и мысли невольно ушли к моей любимой сестренке. Эти незачеты в институте... Она переживает, и я теперь тоже.

Черт. Я сентиментальный, наверное, всегда был таким — вижу, как она мучается. Даже, когда сплю, слышу ее тихие шаги и продолжаю вслушиваться, пока она не ложится спать далеко за полночь. Стараюсь не показывать ей свою заинтересованность и переживания на эту тему. Яся сразу начнет психовать, злиться, что лезу в ее жизнь, и у нее может случиться очередной приступ астмы. То, чего я всегда боюсь. Хочу помочь, не могу смотреть, как она страдает.

Вернуть бы то время, когда мы с ней на Филиппинах строили замки и куличики из песка, а она, открыв рот, наблюдала, как я поливал песок водой, и он весь впитывался. Были же времена. Даже не успел заметить, когда она стала такой претенциозной и... Взрослой.

Ожидаю в порту. Солнце клонится к закату, окрашивая воду в кроваво-оранжевый, а в воздухе насыщенно пвхнет солью, ржавчиной и адреналином. Это всегда будоражит кровь в венах, когда сделка на миллионы висит на волоске.

Туристический лайнер уже маячит на горизонте. Огромный, как плавучий дворец, набитый беззаботными туристами, сменившими шорты и бикини на шерстяные пальто и теплые штаны. Фуры уже стоят в ряд. Двигатели тихо урчат. Водители — мускулистые парни с татуировками, которые шрамами скрывают их прошлое.

Я никогда не вдаюсь в подробности. Одно то, что они смотрят на меня, как на Бога, мне льстит. Паркуюсь у причала, выхожу, ветер треплет волосы, и рация в руке оживает.

— Первая бригада, докладывайте, — твердо говорю я. Мой голос не дрогнет, несмотря на то, что внутри меня бушуют эмоции. Я совсем недавно полностью руковожу перевозками без контроля отца.

— Лайнер на подходе, босс. Разгрузка через пятнадцать минут, — трещит в ответ рация.

Хожу по пирсу, глаза сканируют горизонт: никакой полиции, никаких случайных глаз. А мысли снова возвращаются к Ярославе. Как бы вытащить ее из этой ямы? Может самому подойти к ней вечером, обнять, потрепать по плечу, и шепнуть: «Я помогу, сестренка, мы все исправим. Найдем лучшего репетитора...». Она заедет мне прямоком промеж глаз... Я хочу, нет, я горю желанием ей помочь! Это возбуждает — не по-братски, а по-мужски. Хочу, чтобы она знала, что всегда может на меня рассчитывать. И я ее люблю. Свою сестру.

Лайнер швартуется с гулом, трапы опускаются, туристы хлынули потоком — смех, флирт, парочки, укутанные в теплые вещи. Туристы, одним словом. Но я фокусируюсь на грузовом отсеке.

— Начинайте разгрузку. Фуры подгоняйте по одной, без шума. Даня, нелегалов направляй лично, я не хочу повторения, как в прошлый раз, — команду по рации ровным авторитетным голосом.

— Бля, я не знал, что он по-русски ни хера ни понимает, — бурчит в рацию Даня. — Зато искупался в холодной водице, помылся.

— Рот закрой и выполняй. Шутить будешь после.

— Принял.

Парни в комбинезонах тенями снуют от лайнера к фурам. Краны визжат, ящики скользят по конвейеру.

Я стою, скрестив руки, ветер треплет края пальто. Застегиваюсь, ночью нереальный холод.

А что, если я попрошу Олега немножечко подправить базу данных университета? Черт. Опять отвлекаюсь. Задача прежде всего. Груз уйдет сегодня, а завтра — помогу ей. Твердо, без компромиссов. Приоритеты надо расставлять правильно.

Это всегда занимает много времени, но я должен проследить весь путь от первой до последней фуры и убедиться, что все прошло гладко.

Дремлю в кресле самолета, тело расслабляется после бессонной ночи, а гул двигателей убаюкивает, как колыбельная. Сны странные, беспокойные.

— Уважаемые пассажиры, мы начинаем снижение для посадки в аэропорту Шереметьево, Москва, — голос стюардессы разрезает сон. — Пожалуйста, пристегните ремни безопасности, поднимите спинки кресел и сложите столики.

Я моргаю, окончательно просыпаясь, пристегиваю ремень и смотрю в иллюминатор на приближающуюся землю, усыпанную осенними красками.

Выхожу из аэропорта. Свежий московский ветер хлещет по лицу, щедро веет запахом дождя и городской суеты. Я смотрю на дорогие часы на запястье — три часа дня, солнце еще высоко, время есть. Можно наведаться к тем преподавателям, с которыми у Яси проблемы. Просто пообщаюсь. Достая телефон, открываю блокнот: «Термодинамика и молекулярная физика — не зачет, преподаватель — Васильева Марина Андреевна». Ну, поедem, познакомимся.

Сажусь в такси, и машина мчится по проспектам, мимо серых зданий и толп прохожих. Без своей тачки совсем грустно. Ее перегонят из Питера завтра, осталось потерпеть совсем недолго.

В институте тихо, как в заброшенном замке. Мало студентов, пары закончились, коридоры пусты. Только мои шаги эхом отдаются по плитке.

Захожу в одну из аудиторий. Дверь скрипит, выдавая мое присутствие. Красивая молодая преподавательница, лет тридцати, с копной каштановых волос, собранных в небрежный пучок, вздрагивает от неожиданности и поднимается из-за стола. Марина одета в строгую белую блузку и узкую юбку-карандаш до колен, подчеркивающую стройные бедра. Она стоит у стола и настороженно поднимает взгляд.

— Кто вы? Что вам нужно? — спрашивает твердым голосом, не скрывая любопытства.

Я обаятельно улыбаюсь, обнажая белые зубы, и опираюсь о косяк двери, скрестив руки на груди.

— Ты никого не ждешь? — отвечаю вопросом на вопрос. Мой голос низкий, с хрипотцой, что всегда действует на женщин как магнит.

Она моргает, наивно хмурит брови, щеки слегка розовеют. Марина пожимает плечами и встает из-за стола.

— Пары у студентов завершились час назад. Так что вам надо? — повторяет она, но я замечаю в ее тоне неуверенность, как у олененка, застигнутого в лесу.

Не отвечаю сразу. Просто закрываю дверь на защелку. Щелчок эхом разносится по пустой аудитории. Медленно, но настойчиво надвигаюсь на нее...

Глава 5.1. Захар. Заслуженный релакс.

Впиваюсь взглядом в ее глаза, полные страха и искры желания, что лесным пожаром разгорается от одной спички.

Марина прижимается ягодицами к краю стола. Ее упругая плоть вдавливаются в твердую древесину стола. Тело инстинктивно отклоняется назад, обнажая длинную, изящную шею, с бьющейся под кожей жилкой, что сейчас так манит меня.

Я наклоняюсь ближе, касаясь горячим, тяжелым дыханием ее кожи. Начинаю с маленьких поцелуев. Не нежных, а настойчивых и дерзких. Сначала на шее, там, где пульс стучит бешеным ритмом.

Мои губы прижимаются, язык скользит по бархатистой коже. Я чувствую солоноватый вкус, смешанный с легким, цветочным ароматом ее духов. Марина вздрагивает, как от удара током, неуверенно упираясь ладонями в мою грудь. Пальцы сжимают ткань рубашки, но не отталкивают. Они цепляются, дрожат, выдавая, как ее тело предает разум.

— Что вы... пожалуйста, стоп... — шепчет она, голос срывается на хриплый стон, но в нем нет настоящего протеста. Только наивная попытка удержать контроль, который уже ускользает.

Просию игнорирую ее слова. Руки нагло скользят по талии Марины, впиваясь пальцами в мягкую плоть под блузкой. Медленно задираю ткань вверх, обнажая полоску гладкой кожи живота. Я целую настойчивее. Поцелуи переходят на подбородок, щеку, оставляя влажные следы. Наконец захватываю губы, врываясь языком в рот. Мой язык сплетается с ее, толкается, доминирует, заставляя Марину выдыхать тихие стоны мне в губы.

Дерзко подхватываю ее под бедра. Сжимаю ягодицы так сильно, что она ахает. Я сажаю Марину на стол одним мощным движением.

Учебники, журналы, стопки бумаг летят в стороны, шурша и падая на пол. Юбка задирается вверх, обнажая стройные ноги в черных, кружевных чулках. А она горячая, черт возьми...

Руки сами нагло скользят выше, пальцы цепляют край ее тонких уже влажных от возбуждения трусиков. Я стягиваю их вниз рывком, без церемоний, бросая на пол. Она краснеет, пытается свести ноги, но я не позволяю. Раздвигаю их шире, прижимаясь бедрами сильнее, заставляя сквозь брюки почувствовать пульсирующую, готовую к бою эрекцию...

Пальцами исследую ее тайны. Скольжу по влажным складкам, кружа вокруг набухшего бугорка, дразня, нажимая, проникаю внутрь одним, потом двумя пальцами. Растягиваю, подготавливаю, ведь мой размер намного больше среднего...

Она стонет громче, голова запрокидывается, стягиваю заклепку с ее волос. Они рассыпаются по плечам, как каштановый водопад, а тело извивается на столе в агонии наслаждения.

— Боже... не надо... О, да... — бормочет Марина и противоречит сама себе. Бедра подаются вперед, насаживаясь на мои пальцы глубже. Я нагло расстегиваю блузку. Нетерпеливо обнажая ее полную, тяжелую, с торчащими сосками грудь. Срываю его. Губами захватываю один сосок. Сосу, кусаю, тяну зубами, пока она не вскрикивает. Острые ноготки впиваются в мою спину сквозь рубашку, причиняя приятную боль.

Я не выдерживаю больше — расстегиваю брюки, освобождая себя: твердого, с набухшими от напряжения венами. Зубами разрываю обертку презерватива, в нетерпении натягиваю его и вхожу в нее резко, одним толчком, заполняя полностью.

Она такая тесная, горячая, влажная, обхватывает меня кольцом мускулов. Стол скрипит, а наши тела сплетаются в яростном ритме.

Я толкаю глубоко и сильно. Каждый удар отзывается в ней стоном, ноги Марины обвиняют мои бедра, каблуки впиваются, царапая, подгоняя. Сжимаю ее грудь. Пальцы щиплют соски, тянут. Бедра бьются о мои в такт, пот стекает по телу, смешиваясь в соленый страстный коктейль.

Нагло целую ее шею, кусаю мочку уха.

— Сейчас ты моя, Марина... — хрипло шепчу.

— Откуда ты...

— Тише...

Она отвечает стонами, мышцы внутри пульсируют вокруг члена, выжимая каждую каплю удовольствия.

Я ускоряюсь, толчки становятся бешеными. Стол трясется, бумаги окончательно слетают, а воздух пропитан мускусным и густым запахом секса.

Она кончает первой. Тело Марины дергается в конвульсиях, глаза закатываются, губы приоткрыты в беззвучном крике, смазка хлещет, смачивая нас обоих. Я кончаю следом. Изливаюсь в нее с рычанием. Толчки замедляются, но остаются глубокими, выкачивая из меня все до последней капли, заполняя презерватив семенем.

Я замираю и тяжело дышу.

Стол — хаос из смятых бумаг и наших следов. Я отстраняюсь медленно, выбрасываю презерватив в корзину для мусора, поправляю одежду, но не спешу уходить. Обаятельно улыбаюсь ей и замечаю, как тело Марины еще дрожит от моего вторжения.

Она нелепо пытается поправить волосы, свести ноги, я лишь улыбаюсь в ответ на ее жесты.

— Ярослава Романова. У нее проблемы с твоим предметом. Она больше не будет прогуливать физику, но я прошу тебя, Марин, помочь ей.

Марина едва заметно кивает. Вижу, что она все еще в шоке от произошедшего и, щелкнув щеколду на двери, ухожу.

Глава 6. Ярослава. Секретики.

Я сижу за партой в третьем ряду просторной аудитории. Свет из высоких окон падает на доску, исписанную уравнениями Шрёдингера. Длинные светло-русые волосы с яркими синими прядями заплетены в небрежную косу, что сползает по плечу.

Рядом — моя лучшая подруга Аврора *. Брюнетка с непослушными волосами и голубыми глазами, что горят любопытством, а над верхней губой блестит крошечная серьга-гвоздик.

Аврора — любознательная до безумия, всегда лезет в авантюры, и мне иногда кажется, что ей плевать на страх.

Но я думаю, что это напускное бесстрашие перед опасностью — всего лишь ее броня. Защита от жизни, что безжалостно бьет ее. Мать борется с раком, брат вечно в тюрьме за мелкие кражи и дебоши, а отец-наркоман исчез, растворившись где-то в подворотнях давным-давно. По сравнению с ними мой отец, хоть и вечно занят делами, кажется почти идеальным.

Мы с Авророй шепчемся, прикрывая рты тетрадами, чтобы не привлекать внимания преподавателя — Александра Леонтьевича. Он стоит у доски, объясняя волновые функции, но мы увлечены другим.

— Я иду с Максимом, — шепчу ей и чувствую, как щеки теплеют при упоминании его имени. — В эту субботу будет круто...

Аврора закатывает глаза, ее губы кривятся в насмешливой улыбке.

— Серьезно, Яра? Максим? — как-то устало произносит подруга. — Ему же двадцать четыре. Он в магистратуре уже. У вас что, общие интересы — интегралы решать?

Я хихикаю, но в груди слегка колет от ее слов. Максим — мой парень еще со школы, мы тусовались в одной компании. Он был тем, кто всегда прикрывал меня, когда я влипала в неприятности. Высокий, с широкими плечами и улыбкой, от которой у меня порхают бабочки в животе. Я доверяю ему, как никому, потому что люблю.

— Тебе не понять, Ава, — шепчу, подвигаясь ближе. — А вечеринка будет огонь! Приедут друзья Макса, Артем с Лесей, ну и мы с тобой, конечно. Ты с кем идешь?

Преподаватель внезапно прерывает лекцию, его голос режет воздух, как нож:

— Девушки, в третьем ряду! Хватит шептаться, или я попрошу вас выйти, — его подбородок дрожит от лишней нервозности.

Мы замолкаем, опуская глаза в тетради. Аврора еле сдерживает смех. Ее совсем не пугает его хмурый взгляд.

— Я, может, с Лехой пойду. Он диджей в «Пульсе», — она снова наклоняется ко мне и продолжает шептать, только тише. — Прикинь, обещал записать новый трек вместе со мной. А твой Максим... ну, не знаю, Яра, он классный, но такой... взрослый уже. Тебе серьезно не скучно с ним?

Я качаю головой, поправляя прядь, что выбилась из косы.

— Не скучно. Он... надежный. И знаешь, когда он обнимает, я как будто... Ну, проваливаюсь куда-то. У нас настоящая любовь.

Аврора фыркает, но в ее глазах мелькает что-то теплое, почти зависть.

— Ладно, романтик. Но на вечеринке я тебя уведу танцевать, никаких обнимашек весь вечер.

Я стараюсь вникнуть в тему лекции, но Авроре не сидится на месте.

— Слушай, Яра, ты так расписываешь своего Максима — ответственный, любимый...

— К чему ты клонишь?

— Ты же еще девственница, да? Не припомню, чтобы ты хоть раз рассказывала, как он прижимал тебя и трахал всю ночь... — Аврора тихо хихикает, но ее глаза сверкают, будто она поймала меня на чем-то постыдном. — Любовь любовью, а он небось уже весь извелся, твой «надежный» взрослый Максимка.

Кровь приливает к щекам, и это не от смущения, а от легкой обиды. Я откидываюсь на стуле, бросаю на нее взгляд — не злой, но острый, сообщая, что она перешла черту.

— Серьезно, Ава? — сжимаю губы, но все равно отвечаю, стараясь держать голос ровным, хотя внутри бурлит: — Мы теперь будем мериться тем, кто быстрее прыгнул в постель? Для нас с Максимом это не главное. Любовь — это не только про *это*.

— Настоящей любви не бывает без настоящего секса, — не унимается она, прокручивая между пальцев карандаш.

— Макс не давит. Он поддерживает меня. Это и называется любовь. И уважение, — я делаю паузу, поправляю косу, чтобы скрыть дрожь в пальцах, потому что с чего-то начинаю задумываться о таких простых вещах, которые раньше ускользали из виду.

Много раз я представляла, как *этоу* нас будет, какое белье я бы надела и что делала... Ведь, когда он порой прижимается ко мне, я не могу игнорировать тот факт, насколько у него здоровый в штанах. Проклятье! Зачем она развивает эту тему...

Аврора поднимает брови, ее улыбка становится мягче, но в ней все еще пляшут чертики.

— Ого, Яра, не злись, я же шучу! Просто, знаешь, Максим — взрослый парень, а ты... Такая вся романтичная, с косичкой, как школьница, — Аврора зажимает между пальцами кончик моей косички и улыбается. — Я бы на его месте уже стены грызла. Или крутила с кем-то на стороне.

Фыркаю, но уголки губ невольно ползут вверх — ее дерзость обезоруживает, как всегда.

— Вот ты стены и грызи, а мы с ним нормально общаемся. Сами как-нибудь разберемся. И на вечеринке, между прочим, я буду с ним танцевать. А Леха, небось, опять забудет про все свои обещания после выступления. Как и было не один раз.

Я показываю ей язык, но мои слова нисколько не задевают подругу, она лишь смеется в ответ.

Преподаватель внезапно поворачивается.

— Романова, Сивцева! — его голос пронзительный и строгий. — Если вам так интересна ваша болтовня, могу предложить обсудить квантовые состояния на пересдаче!

Мы замолкаем, опуская глаза, но Аврора еле сдерживает смех, ее плечи вздрагивают. Я пинаю ее под партой, шепчу одними губами: «Тише, ненормальная!». Но внутри я тоже улыбаюсь.

И все же ее слова о Максиме задели. Но я не тороплюсь, не хочу, чтобы это было просто «для галочки».

В субботу в «Пульсе» будут огни, музыка, его запах... и, может, я почувствую, что готова. Но это будет только мой выбор.

После пар Максим подвозит меня домой, точнее в невероятный пентхаус, где мы живем почти две недели. Я безумно люблю его, и я так счастлива, когда мы находимся наедине.

Я сижу на мягком пуфе в своей комнате, обхватив белую кружку с горячим какао, его аромат — сладкий, с ноткой ванили и корицы кружит мне голову, согревая ладони.

Напротив меня Максим. Широкие плечи и ленивая улыбка, от которой внутри все трепещет, как от легкого разряда тока. Его темные волосы чуть растрепаны, а пронзительные, карие глаза заставляют меня чувствовать себя единственной в мире.

Мы болтаем о пустяках, о предстоящей вечеринке в «Пульсе». Низкий, бархатный голос обволакивает, и я не замечаю, как он придвигается ближе. Его колено касается моего, и от этого касания по коже маленькими искрами бегут мурашки.

— Ты такая красивая, когда вот так сидишь, вся в своих мыслях, Яра, — шепчет Максим, наклоняясь. Дыхание касается моей щеки. Запах, с легкой ноткой одеколона и чего-то чисто мужского, глотком крепкого виски бьет в голову.

Улыбаюсь. Щеки горят, и я не успеваю ответить, как его пальцы нежно, но настойчиво касаются края моей футболки. Максим тянет ткань вверх, медленно, словно дразнит меня. Я, как под гипнозом, поднимаю руки, позволяя снять футболку. Она падает на пол, оставляя меня в черном топе.

Воздух холодит кожу, а горячий требовательный взгляд Максима обжигает. Не грубо, а будто ласкает каждый изгиб моего тела. Дыхание учащается. Я слышу тихий стон, срывающийся с губ. Мягкий, почти неуловимый, как шепот ветра. И сама не верю, что это я.

Максим наклоняется ближе.

Его сильное, но такое желанное, тело возвышается надо мной. Максим прижимает меня к мягкому дивану, вынуждая повиноваться. Его грудь касается моей, и я тону в терпком, одуряющем запахе.

Губы нежно, но настойчиво, целуют мою шею. Это заставляет выгибаться навстречу. Коленки дрожат, а пальцы цепляются за его футболку, сминая ткань. Мои стоны становятся громче. Они текут, как расплавленный сладкий и тягучий мед, пока уверенные руки скользят по бедрам, сжимают талию и дразнят кожу у края джинсов.

Я теряю связь с реальностью. Позволяю себе сойти с ума и наслаждаться.

Но когда пальцы Максима неторопливо расстегивают молнию на моих джинсах, ныряя внутрь, касаясь меня через тонкую ткань белья, я вздрагиваю, как от удара.

Реальность обрушивается мгновенно. Сердце колотится, страх и возбуждение борются внутри, но страх побеждает.

— Максим, нет... не сейчас, — шепчу дрожащим голосом, упираясь и отталкивая ладонями его грудь. — Не сейчас... я же не одна здесь. И отец скоро вернется.

Он замирает, а глаза темнеют. Максим отстраняется сразу, без злости, с легким разочарованием. Его рука, успокаивая, нежно касается моей щеки.

— Хорошо, Яра, как скажешь, только не надо искать оправдания. Ты уже совершеннолетняя и только тебе решать. Ты можешь мне отказать, как сейчас, и это нормально. В любом случае знай, что я на твоей стороне, — он говорит мягко, но в голосе есть хрипотца, выдающая его желание. Максим кашляет, возвращая голос к привычному тембру.

Он садится рядом, отпивает какао, меняя тему разговора, как будто ничего не было:

— Завтра тебя будет ждать Плут, ты в курсе? Я писал тебе, что договорился.

— Да, я видела. Спасибо. Просто не успела ответить, — киваю в ответ, а сердце все еще стучит, как барабан, но я беру себя в руки, поправляя растрепанные волосы.

— Он очень хорош в своем деле, — чеширским котом расползается в улыбке Максим.

Это наша тайна, наш маленький заговор, о котором мы не говорим вслух. Что-то рискованное, волнующее, от чего кровь бурлит, как шампанское. Я улыбаюсь, чувствуя, как напряжение спадает.

— Несомненно, — отвечаю, придавая голосу твердость. — Мне это нравится. Помогает... расслабиться и раскрепоститься.

Максим ухмыляется, его рука небрежно ложится на мое колено, но теперь это просто дружелюбный жест.

— Тогда прогуляешь последнюю пару завтра. Надо быть в форме, да?

— О, да! — я смеюсь, наклоняюсь и целую его — быстро, но с теплом, чувствуя вкус какао на любимых губах. — Я так люблю тебя.

— Я — больше, — отвечает Максим и тянется к моим губам.

Сажусь сверху ему на колени и с наслаждением присасываюсь к чувственной нижней губе.

Вдруг в дверь стучат, и, не дожидаясь ответа, она распахивается!

Захар нагло прерывает нас, и я сразу замечаю, что брат сердится.

Блестящие карие глаза и неосознанно сжатые кулаки выдают напряжение. Челюсть стиснута так, что желваки играют.

Я надеюсь, он не слышал наш разговор. Черт, это было бы катастрофой! Максим нежно пересаживает меня со своих коленей на диван, подходит к Захару и протягивает руку.

Захар медлит, его взгляд буравит Максима, как будто тот украл что-то ценное. Я инстинктивно влезаю в футболку, сама не понимаю, как быстро это у меня получилось.

Наконец Захар отвечает коротким и холодным рукопожатием. Максим не замечает или делает вид, что не замечает поведение брата. Я подхожу к своему парню ближе и, в знак поддержки, беру его за руку. Он наклоняется ко мне, теплыми губами целует в щеку, но я чувствую, как Захар следит за каждым движением.

— Увидимся, Яра, — говорит Максим, подмигивая, и выходит, оставляя меня наедине с братом.

— Ты футболку надела задом наперед, сестренка...

★ Книга про Аврору и одержимого ею психопата будет доступна к прочтению в начале сентября 2026. Подписывайтесь на автора, чтобы не пропустить ТГ и ВК Eva_Tresor. Это будет очень опасно.

Глава 7. Захар. Во что ты влезла, сестренка?!

Трек к главе: Pretty Fool — Beasts with noname. Включаем и наслаждаемся чтением.

Я ворочаюсь в своей постели, не могу закрыть глаза. Проклятая бессонница! Часы на прикроватной тумбочке показывают полночь, а я все пялюсь на стены, где тени от едва заметной подсветки призраками пляшут в разуме.

Голова гудит, как после удара, — я подслушал весь их разговор!

Не специально, просто так получилось. Шел по коридору, поглядывая в телефон, и что-то остановило меня, какое-то внутреннее чувство.

Этот ублюдок Максим и Яся... Именно Яся, а не Яра, как зовут ее все эти придурки, ее друзья. Только я и отец, называем ее Ясей — это наше, семейное, как тайный код, что связывает нас крепче крови.

Ее тихий стон преследует меня, пробуждает что-то первобытное внизу живота. Внезапно такой странный, что до сих пор мурашки по спине.

Что за херня со мной творится?!

Только Ярослава всегда была светом в нашем хаотичном мире, где отец, как всегда в делах, а я — его тень. Но для Яси я был тем, кто рассказывает сказки на ночь и прячет от ужасов под одеялом.

А теперь... теперь эти чувства мутируют, как вирус в крови, превращаясь в нечто темное, запретное, что тянет меня к ней, как металл к магниту.

Черт, Захар, это же Яся! Сажусь на кровать, хватаясь за голову. Это влечение нарастало постепенно, как тень в сумерках. Начиная с тех моментов, когда я ловил ее полный доверия взгляд, или случайно заметил, как она тянется за книгой, а футболка задирается, открывая полоску идеальной бархатной кожи на животе.

Раньше мне было плевать. Я отмахивался, думал, это просто забота, но теперь ревность жрет меня заживо!

Мысль о Максиме, его руках на ее талии, его губах на нежной шее — как нож, мастерски провернутый во внутренностях.

Но это неправильно, это табу. И оттого больно жжет... Я ненавижу себя за то, что начинаю испытывать, но не могу остановиться! Оно пульсирует в венах, смешиваясь с любовью, делая все острее, опаснее, как край пропасти, в которую тянет шагнуть.

И этот Плут — кто он, черт подери? Они говорили о нем тихо, почти шепотом, как о тайне, что жжет губы.

«Завтра тебя будет ждать Плут», — сказал он, и Яся ответила согласием, как будто это нормально. Запрещенные вещества? Наркота? Кулаки сжимаются, ногти впиваются в ладони.

Максим свел ее с распространителем? Яся принимает дерьмо, что разъедает душу и калечит тело? Нет, не может быть, она слишком умная. Это все херня. Но воспоминание о ее столах, когда он был рядом, смешивается с этим страхом. От злости внутри все кипит!

Черт, Захар, соберись, это бред!

Вдруг телефон на тумбочке вибрирует, разрывая тишину внезапным выстрелом. Я хватаю его — МIRON. Сердце стучит, прижимаю трубку к уху.

— Захар, твою мать, почему ты не отчитался? — рычит он с ходу хриплым голосом, который всегда сопровождает его угрозы. — Груз развезли? Или ты уже с девками развлекаешься, вместо того чтобы работать? Ты там ахерел, сынок?!

Отец очень зол...

Выдыхаю, стараясь говорить спокойно, хоть внутри все бурлит. Он обычно со мной так не разговаривает, но я облажался и не сообщил, потому что увлекся помощью Ясе и всем тем, что происходит вокруг нее.

— Все отлично прошло, отец. Заказчики груз получили, без косяков. Фуры ушли чисто, никто не влез.

Он фыркает, как будто я его расстроил.

— Отлично, говоришь? Блядь, лучше бы так и было. Ладно, спи, завтра новый день. Я погорячился. Но. Никогда больше не забывай.

— Никогда, отец, — выдыхаю.

Он завершает вызов, и я опускаю телефон, сердце колотится.

Вдруг слышу что-то через стену. Комната Яси — соседняя. Тонкая перегородка, как бумага.

Не зря Калмыкин негодует, что отвалил тонну бабла за это дерьмо с картонными стенами и не может никому его продать уже несколько лет. Теперь понимаю.

Доносится тихий голос. Шепот, мягкий, как шелк, с ноткой смеха. Максим? По видеосвязи? Этот засранец опять с ней? Ревность вспыхивает мгновенно!

Встаю, бесшумной тенью пробираюсь по коридору, подхожу к двери ее комнаты. Прижимаюсь ухом к стене. Не получается разобрать слова, но теплая и интимная интонация настораживает. Черт, что они там? Рука касается ручки, но не поворачивает. Я просто слушаю, а звук биения собственного сердца все громче стучит в ушах.

Дверь внезапно распахивается, и вот она — Яся, в своей пижаме. Волосы растрепаны, глаза горят гневом, как два изумруда в огне, оттенки ее безумные синие пряди в волосах.

— Захар, ты что, подслушиваешь?! — шипит она дрожащим от злости голосом, кулачки сжаты, как будто готова ударить. — Я же говорила, не лезь в мою жизнь!

Отшатываюсь, поднимаю, сдаваясь, руки, но внутри обдаёт жаром от запаха ее кожи, смешанного с ароматом какао.

— Я просто мимо шел, Яся. Подумал, ты плачешь. Голос услышал... разволновался.

Она фыркает, скрещивает руки на груди, и этот жест подчеркивает ее формы, заставляя меня сглотнуть.

Глаза виновато бегают из стороны в сторону, я не нахожу умных слов, кроме дурацких оправданий!

— Не верю ни единому слову. Взволнованный какой! Иди в свою комнату и не ври мне больше!

Она захлопывает дверь перед моим носом, а я стою в коридоре, сжимая кулаки. Мысли кружатся вихрем в голове: Плут, Максим... Прислоняясь горячим лбом к ее двери и закрываю глаза.

Я разберусь с этим!

Решаю выждать удобный момент. Через час Ярослава выходит с тарелкой и пустой кружкой, спускается вниз. Это мой шанс! Тихо захожу в ее комнату, хватаю телефон, снимаю панель, чтобы спрятать внутри GPS-датчик. Безупречно.

На следующий день я жду в машине на парковке института. Двигатель выключен, чтобы не привлекать внимания, а воздух внутри пропитан ароматом крепчайшего эспresso, что жжет горло при каждой глотке. Такого же горького, как сейчас моя ревность.

Занятия у Яси должны закончиться с минуты на минуту. Точнее те занятия, которые она честно прослушала. Я не могу усидеть на месте, пальцы барабают по рулю. Вчерепе творится настоящий мозговой шторм, где идеи сталкиваются и разбиваются, не успевая до конца сформироваться.

Этот Плут... Кто он, черт возьми? Если это все-таки наркота, то Максим — мертвец, но интуиция шепчет, что все сложнее, и это только подогревает интерес внутри. Я не позволю какому-то придурку втянуть ее в проблемы. Даже если мои чувства к ней спутали все карты, превращая братскую заботу в нечто непонятное.

Вот она! Ярослава выходит из дверей института, волосы развеваются от ветра бело-снежно-синим шлейфом, а уверенная походка заставляет пульс скакать, отдаваясь в горле и в кончиках пальцев.

Рядом Максим. Этот ублюдок с самодовольной ухмылкой. Он целует ее, и они направляются к его машине. Сжимаю челюсти, когда Ярослава обнимает его за шею, с удовольствием прижимаясь всем телом. Близко, слишком близко.

Их губы снова сливаются в таком откровенном поцелуе, что у меня перехватывает дыхание, а в грудь словно произвели выстрел из дробовика в упор.

Ее пальцы впиваются в его волосы, а руки Максима скользят по спине Ярославы, опускаясь ниже, к ягодицам. Это не просто чмок! Это огонь, что разгорается у всех на виду. Тело Яси выгибается навстречу, и я представляю, как ее мягкие, влажные губы выдыхают слова любви.

Черт, не могу смотреть!

Отворачиваюсь, делаю глоток эспresso, обжигающий язык, чтобы заглушить этот жар в груди, эту смесь злости и... хер знамо чего. Нет, Захар, она твоя сестра, но почему тогда тело реагирует так, будто хочет вырвать ее из рук этого придурка и прижать к себе?

Они садятся в драндулет Максима и уезжают. Я завожу мотор, держусь на расстоянии, словно тень в потоке машин, следуя за ними в центр города.

Мысли не дают покоя, роем кружатся в голове, не позволяя ухватиться ни за одну! У Глеба здесь нет казино, его заведения не распространяют дурь в этом районе, слишком опасно спалиться. Значит, Плут — не его человек. Либо какой-то наглый конкурент влез на нашу территорию, торгуя дерьмом под носом, либо это совсем другое... От этой загадки адреналин бурлит в крови, обостряя мое желание разобраться. Выяснить правду теперь не просто долг, а охота.

Максим паркуется у высокого стеклянного здания в центре. Они выходят, смеются, Яся поправляет волосы, а Максим что-то шепчет ей на ухо. Их лица сияют, словно они на балл-маскарад собрались.

Яся увлеченно что-то рассказывает, наблюдая за реакцией Максима. Слова не разобрать, но жесты живые. Ее рука на его плече, его — на тонкой талии сестры, и они скрываются внутри.

Я паркуюсь через дорогу. Выхожу, накидываю капюшон худи, чтобы слиться с толпой, и следую тихо, как призрак.

В фойе счастливая парочка подходит к двери с кодовым замком. Максим набирает комбинацию цифр и скрываются внутри.

Жду в коридоре, привалившись к стене, делаю вид, что копаюсь в телефоне. Мимо снуют люди: курьеры с пакетами, офисные клерки с папками, кто-то с кофейными стаканами. Обычный хаос делового дня. Час тянется, как пытка, я хожу взад-вперед, допиваю остывший эспresso, мысли о Ясе не дают покоя! Что она там делает с ним? Черт...

Наконец дверь открывается, и выходит здоровый парень с тележкой, нагруженной коробками, из которых торчат перья, блестки, куски ткани. Карнавальные костюмы? Я не думаю дважды — когда он проходит, проскальзываю внутрь, а сердце замирает от счастья, что я наконец пробрался.

Пространство огромное, залитое мягким светом софитов, в воздухе ярко пахнет пудрой и лаком для волос. Никто не замечает меня. Все заняты своими делами. Ассистенты снуют с вешалками, визажисты у огромных зеркал вдоль стены колдуют над лицами девушек, которые сидят в креслах в халатах или нижнем белье. Некоторые очень даже в моем вкусе...

Рядом открытая гардеробная. Это какой-то хаос из тканей, как взрыв радуги в мозгах единорога! Бархатные платья свисают с рейлингов, перьевые боа извиваются на полках, маски с кристаллами сверкают, аксессуары, чулки, перчатки, корсеты — разбросаны всюду, как трофеи после оргии.

Фотозоны везде: одна — с бархатными диванами и золотыми драпировками, другая — с неоновыми огнями и зеркальными стенами.

Фотографы работают в неустанном ритме. Повсюду вспышки, команды: «Поверни голову, изогни спину, взгляд в камеру». Девушки с удовольствием позируют. Их совершенные тела извиваются, бедра блестят под светом, груди приподняты корсетами, а ноги в чулках кажутся бесконечными. Это, несомненно, производит на меня впечатление. Я впервые в подобном месте!

Пробираюсь глубже, продолжая прятаться за стойками с реквизитом, и вдруг натываюсь на нее.

Ярослава стоит под софитами в откровенном бордовом наряде, что облегает ее второй кожей. Ткань льнет к груди, подчеркивая идеальные формы, перья колышутся на плечах и бедрах, открывая ноги почти до предела. Она позирует профессионально. Голова сестры запрокинута, губы приоткрыты в вызове, тело изгибается в дуге, а бедра выдвинуты вперед.

Жаркий, как пламя, взгляд, кажется, пронзает мои сокровенные мысли, являя их миру. Но этот взгляд впивается в Максима, который облизывая губы, похотливо поглядывает на нее.

У меня глаза вылезают из орбит, а дыхание замирает. Это не моя сводная сестра, это богиня, и я чувствую, как кровь приливает вниз. Твердое, пульсирующее тело реагирует мгновенно.

Яся, что ты со мной делаешь? Это влечение рвется наружу, смешиваясь с шоком! Мне жарко, душно и холодно одновременно. Я, замерев, стою, не в силах отвести взгляд от ее форм, от того, как перья бесподобно дрожат при каждом движении, намекая на скрытое под ними тепло...

Глава 8. Мирон. Киллер.

Прошлое, четырнадцать лет назад.

Я сижу на ковре в гостиной, окруженный хаосом из пластиковых кубиков и плюшевых зверей, которые Ярослава разбросала, как трофеи. Ей пять, и она — мой маленький ураган, с копной русых волос и глазами, полными невинной ярости, которая заставляет меня забыть обо всем.

— Папа, ты дракон! Рычи громче! — кричит она, тыкая в меня пластиковым мечом, и я рычу. Низко, вибрируя грудью, хватая ее за бока и переворачивая вверх тормашками.

Ее смех режет воздух, и на миг мир вокруг замирает, заставляя меня наслаждаться ее теплом и доверием. Я ставлю ее на ноги, и она бросается на меня снова, обхватывая шею липкими пальцами, пахнущими яблочным соком.

— Ты теперь рыцарь, папа. Спаси принцессу!

Я ухмыляюсь, прижимая ее ближе, чувствую, как быстро ее сердце бьется против моего. В эти моменты я почти верю, что могу быть нормальным отцом.

Но назойливый звонок телефона разрывает идиллию выстрелом в тишине. Яся замирает, ее пальчики цепляются за мою рубашку.

— Папа, кто это? — шепчет она, и в ее голосе нотка страха, которую я ненавижу. Я целую ее в макушку, вдыхая запах клубничного шампуня, исходящий от волос.

— Не важно, солнышко. Просто папе надо поработать. Иди поиграй с Назокат.

Дверь открывается, и входит Назокат — узбечка с кожей цвета меда и всевидящими глазами.

— Мирон Андреевич, да сколько ж можно звать вас на обед?

— Папе нельзя обедать, он же дракон! А что едят драконы?

— Так, пойдем-ка, Яся. Пусть дракон пока уберет все игрушки! После ваших игр хоть переезжай!

Опять она ворчит, но сейчас Назокат — мое спасение.

Глаза с азартом возвращаются к дисплею телефона, Глеб звонит, а значит есть информация. Я ждал его звонка почти месяц!

— Ярослава, пойдем, милая, хоть тебя накормлю, — мягко говорит Назокат. Дочка кивает, отпускает меня, и Назокат уводит ее, бросив на меня быстрый недовольный взгляд. Дверь закрывается, и я тянусь к телефону, ощущая, как адреналин уже бушует внутри, предвещая заслуженное возмездие.

— Глеб. Надеюсь, это те самые новости, которых я жду уже почти чертов месяц! — прижимаю трубку к уху, и голос выходит низким и враждебным, что обычно заставляет людей нервничать.

Он фыркает.

— Мирон, слушай внимательно. Сейчас позвонил этот тип, Жук. Заинтересовался моим... предложением, — в его тоне слышится сильное напряжение.

— Продолжай. Что он сказал? — я откидываюсь на диван, пальцы в ожидании барабанят по колену.

Глеб медлит. Дыхание тяжелое, словно он только что пробежал километр.

— Он хочет знать детали, Романов. Некоторые лица, сам понимаешь, какие, заинтересовались тобой. И... условия у него, конечно, пиздец: пятьдесят лимонов авансом, сто — после дела. Но я сразу ему озвучил, что исполнитель должен встретиться со мной лично, обсудить все. Важное дело, мол. Он не стал спорить, согласился. Сказал, что свяжется скоро.

Ухмылка, подобно острому лезвию, растягивает мои губы. Я фактически заказываю сам себя. Внутри все поет и ликует — это нить, что приведет меня к тому ублюдку, который забрал Анжелику.

Ее образ мгновенно вспыхивает в голове: белокурые локоны, небрежно раскиданные по подушке, тело, что изгибалось под моими руками, ее стоны... Наша страсть жгла ярче, чем солнце, пока пуля не пронзила ее грудь, оставив меня жить в пустоте. Теперь эхо воспоминаний смешивается с моими криками ярости и боли. Но это шанс: Жук приведет к убийце. Он все знает.

— Деньги будут у тебя к вечеру, — спокойно отвечаю я, но с той стальной ноткой, что не терпит возражений.

— Мирон, ты уверен? Это... черт, это же не шутки, — Глеб сглатывает. — А если он просечет, что мы его на крючок сажаем? Я нервничаю, брат. Как будто хожу по минному полю, блядь.

Я смеюсь тихо, гортанно, представляя его лицо — бледное и потное. Он всегда меня забавляет своими идиотскими переживаниями.

— Нервничаешь? Это хорошо, Глеб. Значит, живой еще. А я? Я радуюсь. Это дверь, что откроет ад, в котором прячется тот, кто мне нужен. Я выйду на след, вырву правду из его глотки. Только сдержаться и не убить бы... А ты держи ухо востро и не облажайся.

Он бормочет что-то про осторожность, но я уже вешаю трубку, адреналин бурлит в венах, как шампанское в бокале победителя.

Встаю, разминая напряженные мышцы. Предвкушаю brutальное и безжалостное возмездие. Шаги по ковру бесшумны.

Я медленно передвигаюсь по комнате, набирая сообщение Фернандо, чтобы он немедленно заказал деньги в банке.

Ярослава в другой комнате, ее смех доносится приглушенно, и я отлично осознаю, что мои действия сейчас необходимы. Тот, кто лишил мою малышку матери, а меня — любимой женщины, заплатит...

Настало время охоты. Жук клюнул, и я затяну петлю на шее киллера так туго, что он задохнется, раскрыв перед смертью мне все свои секреты. Они заплатят — медленно, сладко, в агонии...

Проходит неделя, мать ее! Жук притаился и не появляется. Мои люди пасут хату Глеба круглосуточно, весь его дом утыкан скрытыми камерами и «жучками».

Мчусь по шоссе, ветер хлещет в приоткрытое окно, а двигатель зверем рычит подо мной. Дом уже близко, но телефон оживает в кармане — Демид.

— Мирон, черт! Я у дома Глеба, сидел, как обычно. Только что неизвестный ублюдок втолкнул его в «БМВ» прямо перед воротами! Черный, матовый, без номеров. Уехал в сторону окраины минуту назад!

Его слова бьют электрическим разрядом по нервам, и я вижу в голове потного, нервного Глеба, но с той серьгой в ухе, что я ему впарил под видом «модного бразильского аксессуара».

— В его серьге датчик GPS! — ору я в трубку, голос ревет громче мотора. — Олег скинет тебе координаты, звони ему! От меня не уйдет!

Демид что-то говорит, но я уже давя на тормоз, шины визжат. Разворачиваюсь через разделитель, игнорируя клаксоны и вспышки фар. Газ в пол, и машина неистовым хищником, подпрыгивая, срывается вперед.

Асфальт стелется под колесами, я нарушаю все — красные огни мигают, пешеходы шарахаются, а я впиваюсь взглядом в приложение на телефоне, закрепленном на приборке.

Точка местонахождения Глеба пульсирует, уходя за город, в сторону заброшенного производства. Сердце колотится, как на алтаре жертвоприношения в демоническом ритуале. Адреналин разливается по венам, делая мир острее: запах кожи сидений, вкус соли на губах.

Вылетаю с трассы на проселок, пыль взвивается вихрем, и вот она! Впереди черная тварь «БМВ», ее задние огни мерцают глазами демона. Я вдавливаю педаль, мотор воет, и расстояние тает, как лед под языком.

Водитель уже заметил меня — зеркала вспыхивают отражениями моих фар, и «БМВ», виляя, рвется вперед. Он петляет по ухабам, но я ближе, уже чувствую вкус охоты.

Вдруг дверь открывается на ходу, и Глеб вылетает наружу, кувыркаясь по пыли проселочной дороги, как тряпичная кукла.

— Сука! — рычу я, выворачивая руль, шины скользят, и я объезжаю его чудом, в сантиметрах от тела. Сердце на миг замирает — жив ли?

По херу! Все мое внимание на цели.

«БМВ» несется к заброшенному производству, силуэты ржавых труб торчат, как кости, и телефон снова не вовремя трещит.

Внезапно начинается ливневый дождь. Очень вовремя, блядь!

— Босс, стой! — кричит Демид, слышу ворчание Жорже на фоне. Парни едут следом за мной. — Не гони один, это профи, киллер хренов! Мы с Жорже уже почти там, подожди нас!

— Мирон! Подожди! — слышу встревоженный голос Сени на фоне.

Я ухмыляюсь, предвкушая, как буду выбивать из этого пидора правду.

— Не упущу засранца, а вы давайте живее!

Открываю ящик, спрятанный в подлокотнике, и уверенно хватаю пистолет, опускаю стекло, прицеливаясь.

Выстрел — мимо. Эхо разносится по пустоши, прикрываясь раскатом грома. Еще один — рикошет от бампера, искры летят, как фейерверк в аду. Третий — в цель! Резина с визгом лопається, «БМВ» дергается, кренится и, перевернувшись через крышу, улетает в канаву, а металл скрежещет по земле. Вот это я называю метким выстрелом, как у Клинта Иствуда, черт бы его побрал!

Торможу резко, выхожу, держу пистолет наготове, тело гудит от напряжения, но я не тороплюсь. Медленно подхожу к машине, дергаю дверь и... Пусто!

Блядь, он не мог свалить. Разворачиваюсь и получаю мощный удар в скулу. Он быстро выбивает пистолет из моей руки, и мы сцепляемся.

Он высокий, падла, мускулистый, в черном. Лицо скрыто балаклавой, но глаза горят яростью. Его кулак летит в челюсть, я уворачиваюсь в последний миг, чувствую ветер от удара на щеке, контратакую локтем в ребра.

Ублюдок низко рычит и, вместо того чтобы отшатнуться, хватается меня за горло, пальцы сжимаются, перекрывая воздух. Мир на миг сужается до пульса в висках, до вкуса металла на языке. Я бью коленом вверх, целя в пах, но он предугадывает, скручивается, и мой удар скользит по бедру.

Он отталкивает меня, хватается ржавую арматуру из канавы. Металл свистит, царапая щеку, кровь течет теплой струей. Я пинаю его в колено, слышу треск сустава. Жук падает, катится, но подсекает меня, и мы валимся в грязь, сплетаясь телами в этом хаосе.

Ощуаю его тяжелое дыхание на шее, мышцы напряжены. Он достает нож из рукава — сюрприз, блядь! Лезвие блестит, режет воздух, я блокирую предплечьем, боль вспыхивает. Успеваю ударить головой в нос. Хрящ ломается с хлюпающим звуком, как раздавленный плод. Он хрипит, кровь брызжет, смешиваясь с грязью.

Хватаю его за запястье, выкручивая нож из пальцев. Жук падает в канаву, и теперь мы деремся голыми руками. Кулаки в лицо, колени в живот, тела трутся в грязи, пот течет ручьем. Пропускаю и снова пропускаю. Больно, ощутимо... Эмоции берут верх, а сейчас их надо игнорировать!

Он пытается встать, опираясь на здоровую ногу, но я цепляюсь за него, тяну вниз, и мы снова катимся, теперь ближе к заводу — ржавые обломки металла вокруг, как декорации апокалипсиса. Ублюдок хватается крупный осколок стекла, машет им, целясь мне в горло.

— Хер тебе, — выдыхаю, оставаясь уверенным, что это стекло всего лишь пустяк. — Ты, блядь, сдохнешь!

Он хмыкает, скрывая гадкую ухмылку под балаклавой.

Откидываюсь назад, осколок режет воздух в миллиметрах от кожи, и контратакую — кулак в солнечное сплетение, он сгибается, а воздух выходит из него свистом, как из прокола того шара.

Пользуюсь случаем, пробиваю в живот коленом и заваливаю его на землю. Я фиксирую руки ублюдка за спиной, упираюсь коленом в позвоночник, прижимая лицом в самую землю. Грязь забивается в его ноздри, он хрипит.

— Доигрался, гондон? Киллер высшего класса, Жук, твою мать, ха, — довольно шиплю я, хотя он нехило меня приложил.

Он хрипло смеется, и вдруг изворачивается, освобождая руку, укол в бедро — игла впи-
вается глубоко, жидкость моментально впрыскивается в кровь.

Мир почти мгновенно кружится, ноги слабеют. Я падаю на спину. Жук поднимается, его шатает, он направляется в сторону заброшенных зданий. Последнее, что вижу — фары близко, машина Жорже несется в мою сторону.

— Не дайте ему уйти, — едва слышно произношу я, надежда еще теплится, но тьма смыкается, как не вовремя, блядь...

Глава 9. Захар. Фотостудия.

Я затаился за стойкой с реквизитом — перья и блески, а сердце колотится так, что кажется, его стук выдаст меня всем в этой чертовой студии.

И вдруг — Яся делает это! Ее тонкие пальцы цепляют бретели платья, и с легким движением, как будто это ничего не значит, она спускает их вниз. Ткань скользит, обнажая грудь — полную, идеальную, с розовыми сосками, что твердеют под прохладным воздухом студии.

Замираю. Мысли исчезают, как будто их вырвали из головы. В горле ком, а внизу все пылает — желание, смешанное с ужасом, потому что это неправильно, но так чертовски приятно.

Это не просто шок — это землетрясение, что рушит все границы, которые я ставил между нами. Хочу отвести взгляд, но не могу — она слишком красивая, слишком живая! Я ненавижу Максима за то, что он видит это, трогает, владеет.

Мне стыдно.

Что я вообще здесь делаю?! Какого хрена я забил на работу и уже два дня преследую Ясю?!

— Плут, давай ракурс сбоку, моя богиня невероятно смотрится! — предлагает Максим.

Ярослава грациозно поворачивается боком к фотографу и запускает тонкие пальцы в волосы. Плут — высокий парень с татуировками на руках делает несколько фотографий.

— Яра, дай больше огня, подбородок выше, грудь вперед! Лопатки сведи. Умница, моя ж ты девочка! — кричит Плут и Ярослава, улыбаясь, подчиняется и выгибается, как пантера. Ее кожа блестит под светом, а перья дрожат, подчеркивая каждый изгиб.

Замечаю табличку на стойке с реквизитом: «Плутейский Платон, фотограф». Плут — это он, черт возьми! Не наркодилер, а этот тип с камерой, который заставляет Ясю обнажаться перед объективом.

Облегчение смешивается с яростью. Яся не в опасности, но она здесь, почти голая, для него, для всех этих глаз, и это жжет не меньше. Мирон убьет ее, а заодно и меня!

Не могу отвести глаз, хоть и хочу — меня поражает и удивляет ее уверенность и раскрепощенность. Это уже не та малышка, которую я защищал, а женщина, чья сила и красота бьют по мне яростными зарядами.

Тело реагирует, твердеет, пульсирует, а я сжимаю зубы, впиваясь ногтями в ладони, чтобы заглушить этот жар. Я должен уйти, но ноги будто приросли к полу. В мыслях сплошной хаос. Она моя сводная сестра, но я внезапно хочу ее, как мужчина, и это чувство, как сладкий и смертельный яд. Но слава Богу, я начинаю сильно злиться, когда ее движения становятся более откровенными, а взгляды — более жаркими и призывающими. Она сошла с ума!

Фотограф шелкает камерой, вспышки слепят, а ассистент снует вокруг, поправляя декорации: бархатные шторы, что струятся, как красное вино, зеркальные панели, отражающие бесконечные версии Яси. Визажист иногда прерывает фотосессию, чтобы припудрить ее безупречное лицо.

В жизни она такая милая, совсем юная девушка, а в студии — опытная модель, которая больше похожа на жрицу любви, чем на студентку первого курса с этой тонной макияжа. Нет, это выглядит не вульгарно или чрезмерно вызывающе. Это выглядит... Красиво. Но слишком большой контраст между этой девушкой и той Ясей, которой она обычно выглядит...

Вдруг телефон Максима звонит, разрывая резким звуком магию момента.

— Да, скоро буду, — отвечает он серьезным голосом, подходит к Ясе, целует ее в губы — коротко, но с той же чертовой уверенностью, что я видел на парковке. Затем выходит, оставляя ее одну.

Яся продолжает позировать, немного откинув голову и прогнувшись на встречу яркому свету.

— Вот так, Ярослава, ты огонь! — кричит Плут.

Она звонко, свободно смеется, и этот звук режет меня кинжалом, потому что он не предназначен для меня. Представляю, как подхожу к ней, срываю это платье совсем, прижимаю к себе, чувствуя тепло ее кожи, вкус ее губ, но тут же гоню эти мысли — они как огонь, сжигающий совесть.

Я должен выяснить, что происходит, почему она здесь, в этом борделе красоты? Но вместо этого я застыл, пожирая ее глазами, не в силах оторваться от плавных движений, от того, как она владеет моментом.

Вдруг ассистентка подбегает к Ясе, накидывает на нее шелковый халат, скрывая идеальную обнаженную грудь, и что-то шепчет. Яся кивает, прощается с фотографом, и идет в сторону гардеробной, исчезая за дверью.

Я выдыхаю — не осознавал, что задержал дыхание, но жар в теле не уходит. Что это за чертовщина? Она модель? Это ее тайна? Но почему тогда Максим так шептался, будто это секрет, который может взорвать все? Хотя, он, несомненно прав. Случится Армагеддон, если Мирон узнает.

Отступаю глубже за декорации, прячусь среди вешалок с костюмами, где запах тканей и пота смешивается с моим собственным напряжением. Перехвачу ее внизу и серьезно поговорю.

Серый дождь моросит, а капли пулями стучат по асфальту. Яся непринужденно спускается по ступенькам, поправляет шарф, что обматывает шею, защищаясь от промозглой непогоды. Ее дыхание паром вырывается в воздух, а капли россыпью бриллиантов мерцают на белокурых волосах. Ярослава выглядит такой уязвимой, такой... родной, и это только усиливает бурю внутри.

Тяжелыми шагами подхожу ближе. Мокрый асфальт неприятно хлупает под ботинками. Я твердо решаю, что пора разобраться, выложить все начистоту.

— Яся, — говорю я низким серьезным голосом, что выдает напряжение.

Она замирает, оборачивается резко, а глаза расширяются от шока, как будто увидела привидение. Ее губы приоткрываются, шарф сползает чуть ниже, открывая шею — ту самую, что я видел под софитами, и я сглатываю, борясь с воспоминанием.

— Захар? Что ты... как ты здесь оказался? — ее голос дрожит, удивление смешивается с долей подозрения, щеки краснеют, но не от прохлады.

Подхожу ближе, дождь стекает по лицу, но я не моргаю, впиваясь в ее глаза.

— Это через чур, Яся. Позировать вместо учебы в таком виде? Полуголой, черт возьми? Ты что, с ума сошла?

Она отшатывается, как от удара. Глаза вспыхивают гневом, кулачки сжимаются, шарф колыхнется от резкого движения.

— Ты... ты следил за мной? Какого хрена, Захар? Это не твое дело! Я взрослая и сама решаю, чем заниматься! А ты что здесь делаешь? Опять лезешь в мою жизнь, как нянька? Иди к чертям со своими нравоучениями! — ее слова больно режут, голос срывается на крик, но в нем сквозит дрожь — страх, что я знаю ее тайну.

Дождь усиливается, капли барабанят по нам, но я не отступаю.

— Не мое дело? А чье, Яся? Наш дом недавно взорвали, помнишь? Кто-то охотится за нашей семьей, и я наблюдаю за тобой, чтобы защитить. А ты... Ты здесь раздеваешься перед камерой... Если отец узнает об этих фотосессиях, а они явно не первый раз, судя по твоему «профессионализму», — плохо будет всем. Мирон взорвется, как та бомба, и потянет нас всех за собой! Костик будет ждать тебя через сорок минут возле универа, не подозревая, что ты уехала!

Она психует, лицо бледнеет, глаза мечутся, напоминая испуганную мышку. Ярослава хватает меня за рукав, с силой впиваясь пальцами в ткань.

Я уже отлично понял, в чем состоял ее план. Сбежать с занятий на фотосессию и успеть вернуться в универ к приезду Костика. Хитрая чертовка.

— Ты... ты видел меня обнаженной? Блядь, Захар, ты извращенец! Как ты мог? Это моя жизнь, мой выбор! Убирайся! — Ярослава вытаскивает из сумочки ингалятор и делает несколько вдохов, распространяя ментоловый запах.

Я вру, чтобы смягчить, но слова выходят хриплыми, с привкусом лжи:

— Там не на что смотреть, Яся. Просто... глупость какая-то для безмозглых девок. Ты не такая.

Ее рука взлетает, и пощечина обжигает щеку, как удар тока, оставляя красный след. Она разворачивается, чтобы уйти, шарф развивается, как флаг, но я не даю — хватаю за плечо, прижимаю к стене здания. Дождь льет, мы мокрые. Тело Яси так близко к моему. Ее грудь вздымается от дыхания, и я вглядываюсь в такие знакомые яростно-голубые глаза, полные праведного гнева.

— Я запрещаю тебе сюда ходить и заниматься этим дерьмом. Это глупо и опасно, это... не для тебя!

Она упирается ладонями в мою грудь, пытается оттолкнуть, но я держу крепко, чувствую тепло ее тела сквозь мокрую одежду, и это только усиливает хаос внутри.

— Запрещаешь?! Ты мне никто, Захар. Ты не настоящий брат. Это не твое дело! Максим одобряет, он поддерживает меня, а ты... Ты просто идиот. Отпусти!

Ее слова — как искра в порохе.

— Максим? Этот ублюдок? — Я срываюсь низким, полным злости и боли голосом, почти рычу. — Я помог тебе исправить все твои косяки в учебе — без пересдач, без скандалов, а ты плюешь на все и прогуливаешь? Для чего? Чтобы раздеваться перед камерой? Ты думаешь, это круто? Я рисковал ради тебя, Яся! Я не хотел, чтобы отец узнал обо всем, и тебе влетело!

Это только разжигает ее ярость — глаза вспыхивают, как молнии.

— Ах, ты рисковал? А я просила? — Она толкает меня сильнее, голос срывается на визг. — Ты всегда так — лезешь, контролируешь, как будто я твоя собственность! Это моя жизнь, Захар, и если Максим понимает, то ты... и близко с ним не стоишь! Отпусти, сказала!

Я не слушаю — хватаю ее за руку, тащу к своей машине, припаркованной неподалеку. Ярослава упирается, ругается, шарф слетает на асфальт, мокрые волосы липнут к лицу.

— Пусти, Захар! Ты сдурел? Я не поеду с тобой. Иди к черту!

— Замолчи! Мы уезжаем, Ярослава, — злюсь я, и Яся с каким-то внезапным испугом вглядывается в мои глаза. Смотрит так, как никогда не смотрела раньше...

Открываю дверь, усаживаю ее на пассажирское сиденье, несмотря на сопротивление — она бьет по рукам, царапает, а у меня внутри все кипит от ревности, заботы и этого чертова желания помочь.

Дверь захлопывается, я сажусь за руль, заводжу мотор. Машина срывается с места, оставляя студию позади, но напряжение между нами все еще висит грозовой тучей.

Глава 10. Ярослава. Семейные разборки.

Я раскинулась на кровати в своей комнате. В воздухе приятно пахнет лавандой от свечи на тумбочке. Я лениво накручиваю синюю прядь на палец, чувствуя, как она скользит по коже. Лениво изгибаюсь в полудреме — ноги переплетаются с простыней, а рука тянется к телефону, что живым сердцем вибрирует на матрасе. Подношу его к уху.

— Привет, дорогая, ну что ты решила меня игнорить? — раздается теплый, обволакивающий душу голос Авроры, и мне вдруг хочется плакать.

— Ава, ты не поверишь, что сегодня выкинул Захар, — шепчу я, перекатываясь на бок и грациозным движением откидываю синие пряди с лица. — Я была в фотостудии, позировала для того фотосета. Ну, я рассказывала тебе, где я в таком платье с перьями, как супермодель, блин. Плут только и твердит: «Ярослава, повернись, изогнись, дай мне этот взгляд, дай мне тот взгляд...». Это было так круто!

— Ближе к делу, детка, — смеется Аврора.

— Ну так вот. Я завершила сессию, переоделась, спускаюсь вниз и кого я там увидела?! Захара!

Аврора хихикает в трубку.

— Расскажи подробнее, что дальше, Яра? Не томи!

Я вздыхаю, переворачиваюсь на спину, а ноги поднимаются вверх, опираясь на изголовье кровати.

— Спалил он меня, Ава! Он видел все. И как начал орать: «Что ты здесь забыла? Это не место для тебя». Я задыхаюсь от этой опеки, она меня душит!

Сажусь, подтягивая колени к груди, и локоны ниспадают каскадом на плечи. Палец небрежно скользит по экрану телефона, проверяя заряд.

— Братская любовь... — вздыхает Аврора, и в динамике слышится звук разрываемой обертки из-под конфеты.

— Аврора, Захар отчитывал меня, а я еле сдерживалась, чтобы не взорваться! — мой раздраженный голос набирает силу. — Наорал, так еще и усадил в машину, как провинившуюся девчонку. И всю дорогу испытывал меня своим молчанием. Лучше бы читал мораль. А я сижу и думаю — ну почему он не видит, что я не хрупкая ваза? Он душит мою свободу, Ава, оберегает так, что аж тошно. Помнишь, как в прошлый раз он запретил мне ехать на фестиваль одной? Сказал, что сам повезет, и в итоге мы с Максом сбежали.

— Яра, он просто боится за тебя. Да еще ситуация у вас сложная... Что будешь делать? — Аврора вздыхает в ответ.

Я шевелю пальцами ног и люблюсь безупречным педикюром.

— Не знаю. Хочу вырваться, почувствовать себя свободной. Может, пора поставить его на место... Ладно. Расскажи, как у тебя с тем парнем из бара...

— Да никак, — грустно отвечает подруга и отхлебывает чай. — Зато наш новый лаборант, практикант или как там его, кажется, за мной шпионит. Но он довольно милый.

— Шпионит? — искренне удивляюсь я.

— Или это все мое воображение...

— Понятно, а ты купила то прикольное платье, которое стоит вагон денег?

— А то! — вспыхивает подруга. — Теперь моя жаба бьется в истерике, а хомяк в — оргазме!

— Ахереть! — удивляюсь я. — Ну ты всех затмишь!

— На то и расчет... — но ее слова обрываются, когда дверь моей комнаты приоткрывается с тихим скрипом. Я замираю, напрягаясь всем телом, и пряди падают на лицо, когда я резко сажусь.

Захар.

Его силуэт широкой тенью заполняет дверной проем, и воздух в комнате тяжелеет от моего нарастающего гнева.

— Ава, я перезвоню, — шепчу подруге и откладываю телефон, не дожидаясь ответа.

Мгновенно вскакиваю с кровати, скидывая босые ступни на паркет и гневно смотрю на наглого нарушителя моего спокойствия.

— Ты опять? — шиплю ему, острым, как осколок стекла, голосом. — Что тебе надо, Захар?

Он делает шаг вперед. Темные глаза, обычно теплые, сегодня странно мерцают, и я не могу уловить, что в них скрывается.

— Ярослав, послушай, — разносится его низкий голос, но в нем нет сегодняшней властности, а слышится что-то более мягкое, почти умоляющее. — Тебе не надо так... позировать. Обнаженной. Это глупо, ты же знаешь, какие там люди. Они разные, а ты девушка... красивая.

Его слова неприятно бьют, и я чувствую, как жаркий гнев вскипает внутри.

— Глупо?! — кричу я, хватая подушку с кровати и швыряя ее в Захара. — Ты мне не брат, Захар! Хватит душить меня своей опекой! Найди себе девушку, а не шлюху на одну ночь, и успокойся.

Подушка ударяется в его грудь и падает, а он даже не шевелится, только смотрит, и этот взгляд — он не такой, к которому я привыкла. Не железный, не приказной, а... растерянный, будто он сам не понимает, зачем пришел.

Но я уже очень зла и выяснять его дурацкие причины не намерена. Я стремительно двигаюсь к нему, сжав кулаки, но он ловит мои запястья быстрым движением. Сильные, горячие пальцы обхватывают мою кожу огненными браслетами.

Я замираю, дыхание сбивается от негодования, и время словно замедляется.

Его прикосновение не грубое, как днем, когда он тащил меня из студии, а мягкое. Пряди падают на лицо, я откидываю их легким движением головы, и наши взгляды сталкиваются.

Сердце бьется быстрее, и я не понимаю, почему его пальцы, все еще сжимающие мои запястья, заставляют кожу гореть, а мысли путаться. Невольно хмурюсь и пытаюсь осознать, почему он не отпускает меня, а я все еще не вцепилась ему в глотку зубами?

— Что с тобой? — шепчу неуверенным голосом, и сама не знаю, чего жду — ответа или шага ближе. Он молчит, только смотрит. Затем отпускает мои запястья, резко, как будто обжегся, и отходит назад, в тень дверного проема.

— Просто... будь осторожнее, Яся, — его привычный бас неожиданно странно ломается, и Захар кашляет.

Он разворачивается и уходит, не проронив больше ни слова, оставляя меня в комнате, где воздух все еще дрожит от его присутствия.

Что это было?

Инстинктивно касаюсь пальцами запястья, где еще горит тепло его рук. Падаю обратно на кровать. Я смотрю в потолок, пытаюсь понять, что только что произошло между нами, и почему его уход оставил странный осадок.

Утро врывается в комнату, как незванный гость, разрывая тонкую пелену сна резкими криками с первого этажа. Я подскакиваю на кровати, сердце бьется от внезапного пробуждения.

Крики и упреки рвут тишину! Я узнаю голоса: отец, с его низким, гневным рыком, и Захар, чей обычно твердый тон сегодня трескается от растерянности.

Тело напрягается, а в груди разливается холодная и липкая тревога. Я не просто боюсь — я чувствую, как мой хрупкий мир, где я обычно балансирую между своими желаниями и отцовскими запретами, рушится, как карточный домик.

Быстро накидываю футболку и натягиваю домашние шорты. Внутри все клокочет, эмоции бурлят!

Что-то не так. Это не просто ссора. Я чувствую, как их гневные слова вонзаются не только друг в друга, но и в мою душу, что разрывается между любовью к отцу и любовью к брату. Я прислушиваюсь, медленно подхожу к лестнице.

— Ты таскаешь в дом девок, Захар, и даже не проверяешь, кто они такие, блядь!

— А каким образом мне их проверять? Справки спрашивать?! Мне тоже надо жить, отец!

— Захар отвечает злым и дрожащим от обиды голосом.

— Это из-за тебя наш дом взлетел на воздух!

Эти слова бьют, как молния, и я чувствую, как ноги слабеют, а в горле встает горький ком.

Что происходит?! Почему отец обвиняет Захара?

Я бегу вниз легкими шагами босых ног. Я люблю отца — его решительность, его объятия и запах табака. Но Захар — мой старший брат и что бы я ему не говорила, это не отменяет мою любовь.

И теперь они ругаются, а я — между ними, как мост, который вот-вот рухнет.

В гостиную я вижу их. Отец хватается Захара за футболку, прижимает к стене, его лицо — одна сплошная ярость, а Захар, с горящими негодованием глазами, сбрасывает его руки. Они сцепляются, как волки в схватке.

Сердце рвется на части!

— Папа, Захар, хватит! — но голос тонет в их рычании.

Я бросаюсь между ними, толкаю их руками, но я — всего лишь тень в этом урагане. Отец, в слепой ярости, отмахивается плечом, и я отлетаю к стене, сбивая барный стул. Боль в спине вспыхивает, а слезы жгут глаза. Дыхание рвется, сдавленное паникой и астмой, что всегда поджидает в такие моменты. Я вижу, как до них доходит. Гнев сменяется ужасом, и они бросаются ко мне, падая на колени.

— Яся, прости, — голос отца ломается, а Захар касается моего плеча.

Я дрожу, а слезы неосознанно катятся по щекам. Тянусь к карману, доставая ингалятор. Вдох — холодный, как спасение, возвращает воздух в легкие, но не в душу.

Они обнимают меня. Их руки разные, но одинаково сильные, пытаются унять мою дрожь. Отец прижимает меня к груди, его тепло знакомое, родное. Я чувствую, что он корит себя за случившееся. Захар гладит мои волосы, перебирая синие пряди.

— Я вас обоих люблю, — всхлипываю я, пытаюсь подавить дрожь в голосе. — А вы... Вы заставляете меня переживать, будто я теряю вас. Почему вы так себя ведете?! Что произошло?

Смотрю на них и чувствую, как любовь к ним разрывает меня, а их разборки, ножом режут по живому. Отец целует меня в макушку, его губы нервно дрожат. Захар отводит взгляд, но его рука еще остается на моем плече задерживается.

— Я потеряла маму, но без вас я не выдержу. Я умру...

Глава 11. Захар. Тщетный поиск.

Машина ревет, а отец гонит, будто сам дьявол несется за нами по пятам. Он подрезает какого-то лоха в кроссовере, шины визжат. Я вжимаюсь в сиденье, пальцы до белизны стискивают подлокотник.

Октябрьский ветер врывается в щель окна, хлещет по лицу, но внутри меня полыхает пожар, что жжет ребра и душит горло. Яся. Ее лицо вспыхивает в воспоминаниях. Синие пряди, глаза, что рентгеном смотрят прямо в мою душу. Она любит нас, но мы с отцом подвели ее. Отец бросает на меня серьезный взгляд, его глаза, как два лезвия, готовые вспороть меня за косяк.

— Захар, ты что, блядь, рехнулся? — рычит отец хриплым голосом.

— Ты толком ничего не рассказал! При чем здесь мои девчонки?!

— При чем тут твои бабы? Да при том, что одна из них, твоя чертова подстилка, подложила нам бомбу в подвал! — его слова бьют, как кулак в челюсть, и я задыхаюсь, не от скорости, а от того, как эта правда вгрызается в меня.

— Одна, отец! — ору я, и голос срывается. — Я приводил домой только одну! Остальные — в отелях, в дырах, где никто не спрашивает имен! Объясни, какого хрена ты на меня гонишь? — Сердце колотится, как басы на рейве, а в груди сплетаются тревога и злость, что я, возможно, реально облажался. Из-за меня Яся могла... Черт, даже думать об этом не могу.

Мирон фыркает, выворачивает руль, обходит грузовик. Машина дергается, будто хочет сбросить нас обоих в ад.

— Мой компьютерный фрик перевернул весь мир. Всех сантехников, ремонтников в округе. Он проверил каждого, и никто не вызвал подозрения, кроме... Твоей бабы, которая тоже была в нашем доме! — цедит он. — Олег прогнал ее биометрию по всем камерам города, от метро до чертовых парковок. Взломал базы соцсетей, копался в медицинских записях — от стоматологов до гинекологов. Искал хоть какой-то след. Ноль, Захар! Эта сука — как призрак, только с губами, которые ты, видать, хорошо запомнил. Она была в нашем доме до того, как все разнесло к чертовой матери.

Его голос все также режет, и это невыносимо. Мысль, что из-за меня Яся могла погибнуть, почти убивает меня самого.

Мирон тормозит так резко, что я чуть не влетаю в приборку.

— Я не хотел обсуждать это при Ясе, она и так на грани, сын, — он рычит, почти шепотом, но от этого еще страшнее. — Помнишь имя той девки? Ну же, напряги свою башку.

Я стискиваю кулаки, кровь стучит в висках.

— Не помню, отец, — выпаливаю я, ощущая, как голос дрожит, будто я пацан, которого поймали за курением. — Это была просто ночь, одна из тех, когда ты не думаешь, а просто... черт, живешь.

Он хмыкает, жмет на газ, обгоняя еще одного идиота, и дорога перед нами стелется черной лентой, ведущей в никуда.

— Подробности, Захар. Что было в тот вечер? Не беси меня, выкладывай. Давай, думай!

— По-моему, Таня или... блядь, я выпил немного тогда в клубе.

На самом деле текила неплохо дала в голову... А та девчонка очень удобно оказалась рядом и станцевала для меня на барной стойке. Она была хороша...

— Черт! Ты же понимаешь, что обычных девок легко найти, но не эту. Как она вышла на тебя? Давай, думай!

Я взрываюсь, нервы лопаются, как гнилая резина. Конечно, я допер, что раз Олег не может найти ее следы, она очень даже необычная!

— Чего тебе, Мирон?! Хочешь знать, как я ее драл? Она на четвереньках, я сзади! Или как глубоко она брала в рот? Если тебе не до этого, то я больше ни хрена не помню!

Но тут — как вспышка в мозгу, как будто кто-то врубил свет в темной комнате.

— Погоди... Она не отлучалась. Ни на секунду. Это я свалил в душ, минут на десять, может, пятнадцать. Думал, она просто лежит, ждет, но...

Я замолкаю. Отец зло ухмыляется.

— Вот оно, Захар. Пока ты полоскал свой хер, эта тварь спрятала сюрприз в нашем подвале. И теперь мы найдем ее, даже если придется разворотить этот долбаный город до основания. В каком клубе ты ее подцепил?

— В «Прицепе». Это бар.

— Чеши туда и постарайся разузнать о ней. Нам повезло, надеюсь, ты это осознаешь. Чертов скачок электричества спас наши задницы.

Я сижу, придавленный его словами, а в голове — Яся. Ее лицо, ее запах, легкость, как будто она может улететь, если я не буду держать крепко. Я виноват. Если эта девка — причина, по которой наш дом взлетел на воздух, то я подвел не только Мирона, но и ее. И это жжет сильнее, чем шрам от ожога.

Мирон резко тормозит у бара, шины скользят по асфальту, и я чуть снова не влетаю лбом в приборку.

— Пристегиваться надо. Но уже смысла нет. Выметайся, Захар, — рычит он своим обычным прокуренным голосом, как будто проглотил наждачку. — И не облажайся снова, сынок, помни, ты тут не для того, чтобы член свой порадовать.

Он ухмыляется. Я киваю, вываливаюсь из машины, и она с ревом уносится в ночь, оставляя меня в облаке выхлопа и собственных мыслей, что продолжают жечь мозг.

Бар гудит, битком набитый потными, желающими повеселиться в тихий пятничный вечерок, телами. Я проталкиваюсь к стойке, локти работают, как поршни. Заказываю шот текилы. Жидкость обжигает горло, а внутри бурлит вулкан. Заказываю еще. Я облажался и осознавать это тяжелее всего!

Оглядываю толпу, лица смазываются, как в плохом сне, и тут замечаю ее — Лизу. Тонкая, с розовыми волосами, она стоит у дальнего столика, смеется, запрокидывая голову, как будто весь мир у ее ног. Я помню ее. Мы тусовались вчетвером, и я уехал с той девчонкой, имя которой не помню, что теперь, похожа на привидение с идеальной задницей и таким большим ртом... Черт. Сердце дергается, как провод под током, и я заказываю коктейль — что-то с джином, пахнущее мятой. Девчонки такое любят. Подхожу к Лизе, протягиваю ей бокал причудливой формы, пальцы чуть дрожат, но я держу лицо, как будто мне плевать.

— Привет, Лиза. Где твоя подружка? Давно не виделись.

Она удивляется мне и берет коктейль. Ее ногти блестят, как алмазы. Лиза улыбается, но в этой улыбке прослеживается кошачье любопытство.

— О, Захар, ты прям по делу, — смеется она, и голос приятно вибрирует, лаская слух. — Маша сегодня в «Атмосфере», тусит, как королева. А как у вас тогда прошло? Она прям сияла, рассказывала всякое, — Лиза подмигивает, ожидая подробностей.

— Она делилась подробностями? Черт, что она могла рассказать? — я отмахиваюсь, криво ухмыляясь, как будто мне не до этого. — Да так, ночь как ночь.

Лиза хмыкает, потягивая коктейль через трубочку. Я уже вызываю такси, не слушая ее болтовню. «Атмосфера». Надо найти эту Машу, пока она не растворилась, как дым.

Этот клуб — это не просто тусовка, это место для тех, у кого карманы трещат от бабла. Неон бьет по глазам разноцветными лазерами, музыка долбит, а толпа движется в разнобой. Я ищу Машу — ее лицо, смутно запомнившееся, с острыми скулами и губами. Час, два, три — я обхожу бары, вип-зоны, танцпол, но ее нет. Как будто она испарилась! Лиза ошиблась. Усталость наваливается, и я вываливаюсь из клуба.

Такси везет меня обратно к пентхаусу Калмыкина. Я равнодушно пялюсь в окно.

И тут — как удар под дых! Возле уютного сквера, недалеко от закрытой территории пентхауса, я вижу Ясю. Она стоит под фонарем, а рядом — Максим! Этот скользкий тип с улыбкой, как у продавца подержанных тачек. Он обнимает ее, шепчет ей что-то на ухо, и Яся улыбается в ответ. Ее лицо светится, как будто он подарил ей луну. Мое сердце рвется, как тонкий пергамент, а внутри все полыхает. Это не просто ревность, а что-то более глубокое, грязное, как будто кто-то вырывает у меня кусок души прямо сейчас!

Яся. Моя Яся.

Она не моя... Но, черт возьми, почему тогда я хочу бить этому Максиму морду, пока он не перестанет дышать? Стою, вцепившись в ручку двери такси, и не могу отвести взгляд. Ненавижу себя.

Я бью кулаком по колену, боль отрезвляет. Я выхожу из машины. Шаги тяжелые, как будто я тащу за собой бетонную плиту. Направляюсь к ним.

Его губы касаются ее уха, и Яся улыбается. Черт, улыбается так, будто он только что открыл ей райские врата! Ревность жрет меня заживо! Это не просто братская забота, а что-то темное, голодное, глубинное и затаившееся, как монстр, что хочет разорвать Максима на куски... Я-то знаю, просто уверен, что он причинит ей боль рано или поздно. Но я всего лишь брат, и это все осложняет, потому что я не имею права думать о ней так.

Подхожу ближе, и они замечают меня, Яся замирает. Ее глаза расширяются, как у олененка в свете фар. Максим лениво отстраняется, но все еще держит свою руку на талии Ярославы. Это добивает меня, как удар ниже пояса.

— Яся, уже три ночи, — стараюсь держать голос ровным, как брат, что просто беспокоится. Но трещина внутри выдает все. — Пора домой, отец будет переживать, что ты шляешься с кем попало.

Она хмурится, ее губы кривятся в милой гримасе, что всегда меня разоружает.

— Захар, я уже взрослая, — отрезает она, легким, как перышко, голосом, но с острым краем. — Сама решу, когда и куда мне идти. Тем более, Максим не «непонятно, кто». Ты его отлично знаешь.

Ее слова мне не нравятся и ревность закипает жгучей, неконтролируемой лавой. Я давлю это чувство, прячу за маской тревожного брата.

Я тянусь к руке Яси, но Максим твердо и уверенно перехватывает мою кисть. Он смотрит на меня с гребаной ухмылкой, что делает его похожим на акулу.

— Захар, успокойся, — шутливо говорит он гладким, как масло, голосом. — Ярослава в моих надежных руках. Я позабочусь о ней лучше, чем ты можешь себе представить.

Эти слова все равно, что бензин в огонь, и я взрываюсь. Я рычу, низко, гортанно, и толкаю его в грудь. Кулак летит, целясь в челюсть. Максим вовремя отмахивается, контратакует. Локоть врезается в мой бок. Боль пронзает, но я не чувствую ничего, кроме этой ярости, что ослепляет, делая меня зверем.

Мы сцепляемся, кулаки мелькают, как в уличной драке, его удар попадает в скулу, соленая кровь течет. Я бью в ответ в живот, выбивая воздух из его легких. Кажется, весь мир за нами наблюдает, а внутри меня — хаос, ревность жрет, потому что он трогает ее, шепчет ей, заставляет улыбаться, а я не могу, не имею права!

Ярослава что-то кричит, явно не понимая причину моего внезапного гнева, ведь ничего страшного на самом деле не случилось, но я начал разборки!

— Прекратите! Захар, Максим, хватит! — она втискивается между нами, толкает руками в стороны. Ее прикосновение отрезвляет меня, но внутри все еще полыхает гнев. Ярослава смотрит на меня глазами полными разочарования и слез.

— Максим, извини, я... пойду с Захаром. Прости. До завтра.

— Захар, — рычит Максим, — мы ведь договорим?

— Не сомневайся, — бросаю в ответ.

Яся неодобрительно качает головой и поджимает губы, осуждающе вглядываясь в мои глаза.

Она крепко хватается за рукав, уводит прочь. Яся легкими быстрыми шагами идет впереди, держит, словно боится, что я сорвусь, и все начнется заново.

Мы идем молча. Ее рука наконец отпускает мою, когда мы входим в скоростной лифт. Я вижу, как Яся обижена, сердита. Плечи напряжены, белокурые пряди падают на лицо, скрывая глаза.

Она не понимает, почему я так взбесился, почему не дал ей побыть с Максимом. Это рвет меня еще сильнее, потому что я не могу сказать правду — что ревную, что хочу ее для себя, что ее улыбка для другого — как нож в сердце!

— Захар, что с тобой? — шепчет она наконец ломким голосом. — Ты ведешь себя, как...

Яся не договаривает, и я молчу, потому что если открою рот, то скажу все, что нельзя, и разрушу нашу жизнь.

Мы входим в пентхаус, ночь обещает забыть, но внутри меня уже поселился ад, что не утихает.

Яся молча поднимается на второй ярус и хлопает дверью.

— Видел ваши разборки, — произносит Костян и сует мне в руки джойстик от «Плейстейшен». — Знаешь, я бы тоже ему вьехал. Не нравится мне этот тип, но он чист. Не придраться.

— Бля, не начинай, Костян. Партию в «Мортал Комбат» и я спать, — тру уставшие глаза и падаю в удобное кресло.

Глава 12. Мирон. Я должен все знать.

△# Внимание, в главе преобладает жестокость, насилие и все то, что предпочитает Мирон. А вы знаете, каким он иногда может быть...

Прошлое. Четырнадцать лет назад.

Я прихожу в себя, и мир плывет, как после удара по яйцам. Голова трещит, а тело лежит на куске ржавого железа. Я все еще в этом заброшенном цеху.

Моргаю, фокусируя зрение, и вижу Жорже — моего верного ублюдка, с знакомыми шрамами на морде и горящими глазами. Он настойчиво сует мне в руки гаджет и уже тараторит с португальским акцентом, что скользит по словам, как смазка по члену.

Рассеянно беру кусок пластика и цепляю к уху.

— Босс, я думал, ты сдох.

Рядом сидит Демид и смотрит на меня бегающими глазами.

— Мирон, ты оклемался? Этот гад вколол тебе какую-то хрень, мы его еле утихомирили, чуть не ушел, — его голос срывается.

— Бля, твоей тачке, кажется, пиздец, — влезает Сеня, ожидая от меня ответ, словно мне это сейчас важно.

Взгляд цепляется за стул в центре. На нем привязан этот ублюдок, но без балаклавы.

Я разглядываю его, как свежую добычу. Высокий, спортивный. Даже через водолазку видно, как мышцы бугрятся в попытках вырваться. Шрамы на шее тянутся, уходя за ворот. Волосы черные, мокрые от пота и дождя, прилипшие ко лбу, а глаза — узкие и серые.

Я вскакиваю, ярость жжет внутри. Комната вертится, стены пляшут, и я хватаюсь за край железного листа, чтобы не грохнуться.

— Сука, — шиплю я, собирая волю в кулак, мышцы напрягаются, но тело помнит, кто здесь альфа. Гулками шагами направляюсь, пошатываясь, к нему. Смотрю в глаза, что обещают мне смерть, но точно знаю — сегодня умрет он.

— Год назад мою жену, Анжелику Романову, убил профи в кафе, — рычу я низким вибрирующим от злости и нетерпения голосом. — Пуля в грудь, чисто, без шума. Ты знаешь, кто это был. И ты мне скажешь.

Он зло ухмыляется, но я не придаю этому значения. Жорже и Демид неплохо подправили ему морду. Так даже лучше, красивее.

— Я дам тебе шанс, — я наклоняюсь ближе. — Выкладывай, и я не трону тебя. Может, отпущу с одним яйцом.

Он смотрит ледяным равнодушным взглядом.

— Ничего не знаю, — голос ровный, даже не дрогнет.

— По-плохому, значит, — довольно произношу я. Оборачиваюсь к парням, но в глубине души я ждал такого ответа. — Демид, Жорже, хватайте стул с этой падалью и волоките к тачке.

Сеня в предвкушении хлопает Демида по плечу и хватается за спинку стула, к которой привязан мудака.

Демид бледнеет, как труп, но кивает, помогает Сене, а пальцы вздрагивают.

— Да, босс, как скажешь, — бормочет Демид еле слышно. Я замечаю, как он сглатывает ком в горле, беспрекословно подчиняясь. Демиду не нравятся мои методы, но он все еще со мной.

Жорже криво ухмыляется, обнажая белые зубы. Вот этот мужик помогает мне на чистом энтузиазме.

— О, Мирон, ты знаешь, как разнообразить скучный вечерок. Этот парень сейчас споет, как оперный кастрат, только без яиц, — смеется он.

Они опрокидывают стул, киллер дергается, веревки впиваются в кожу, оставляя красные борозды. Парни тащат его к выходу, где моя машина уже урчит.

Ночь режет холодом, ветер хлещет по морде.

Я роюсь в багажнике, достаю провода — красный и черный.

Этот придурок понял, что я собираюсь с ним делать и беспокойно задержался, сидя на стуле. Он уже не смеется, веселье закончилось вместе с моим хорошим настроением.

— Держите его крепче, — рычу я, пока Жорже разрезает ножом его водолазку, парень выгибается, напрягая мышцы.

Я цепляю зажимы на соски, где особенно нежная кожа, не скрывая довольной ухмылки. Поворачиваю ключ, мотор ревет, и ток бьет. Киллер извивается. Тело выгибается дугой, мышцы сводит судорогой, вены вздуваются.

Он орет, его голос рвется, а пот смешивается с кровью из прокусанной губы. Острый запах горелой плоти заполняет ноздри. Я держу, считаю секунды — пять, десять... Его тело бьется в припадке, он обоссался, мясо дымится, корчится, пузырится, как на гриле. Крик переходит в вой, хриплый, животный, эхом разлетаясь в пространстве.

— Твою же мать, — говорит Сеня и отходит проблеваться за машину.

— Говори, тварь! — ору я, выключая двигатель. Тело неудачника обмякает, дыхание рваное, как после марафонского траха, покрытая волдырями грудь тяжело вздымается.

Он молчит, и я бью снова, ток пронизывает его электрическим оргазмом. Тело дергается, голова запрокидывается, глаза закатываются, белки блестят, слюна, смешанная с кровью, течет изо рта. Его мышцы сводит так, что слышно, как хрустят суставы, кожа на соске лопається.

Жорже морщится, его рука падает на мое плечо.

— Босс, полегче, он сейчас коньки отбросит. Дай ему отдышаться, а то споет только в аду.

Демид отводит взгляд. Бледный, как простыня, бормочет что-то.

— Мирон, он не выдержит, ты же видишь, кожа горит!

Но я рычу, отталкиваю их, и бью дольше — пять секунд, десять, двадцать. Тело киллера корчится, крики переходят в бульканье. Я наблюдаю просто адскую феерию: пена изо рта, кровь из носа, запах жженого мяса висит так густо, что с силой бьет в нос.

Киллер ломается. Его тело трясется, как в лихорадке.

Даю ему отдышаться. Медленно подхожу ближе, опираясь на машину и смотрю на этого жалкого ублюдка.

— Дело было неинтересным... — хрипит он. — Кому сдалась девчонка. Вот ты... Убить наркобарона Бразилии — вот где ставки... в разы выше.

— Я жду информацию. У тебя пять секунд. Пять, четыре...

— Твою жену забрал... Харон.

Я хохочу. Зло, не скрывая удивления. Звук ревет из груди, как рык демона.

— Харон? Это какая-то ебучая шутка?! Где его искать, мать твою?

Он молчит, губы дрожат, и я бью снова! Ток пронзает его до костей. Тело извивается, крики рвутся из глотки, а кровь хлещет фонтаном, распространяя в воздухе тошнотворный, сладковатый запах. В его глазах лопаются сосуды и белки краснеют.

Жорже тянет меня сильнее.

— Мирон, остановись, черт, он уже овощ! Это же не вечеринка с твоими бабами. При- тормози!

— Босс, хватит, он мертвый почти! — дрожит Демид.

Из-за машины выглядывает побелевший Сеня, который не ожидал, что я зайду настолько далеко.

— Мирон, попробуй поговорить с ним. Просто поговори... — но Сеня не успевает закончить, прикрывая рукой рот и снова скрываясь за машиной.

Я останавливаюсь.

— Я хочу подробности, — я крепко сжимаю его волосы в кулаке, вынуждая поднять голову выше. — Что это за Харон? Ты это, блядь, сам придумал?

— Никто не брал дело... Скучно. И оплата неплохо взлетела. Харон взял. Я больше не знаю... Ни-чего...

Но мне мало информации! Я рычу, бью ножом в горло. Лезвие входит гладко, кровь брызжет, и он хрипит, булькает. Тело дергается в последней агонии и затихает.

— Что за чертов Харон?! — ору я в темноту, голос эхом несется по полю. Злоба жрет меня, как огонь. — Я все равно найду тебя, сука!

Жорже вздыхает, хлопает по плечу.

— Босс, пошли, Харон — это нить. Не все потеряно. Хотя что-то появилось спустя столько месяцев поисков.

Побелевший Демид кивает, помогает тащить тело. Его дрожащие руки в крови, но он молчит, выполняет, что от него требуется.

Я стою, тяжело дыша, воспоминания об Анжелике смешиваются с яростью, и я знаю, месть только набирает обороты.

Сижу в долбаной библиотеке уже вторую неделю, окруженный стопками пыльных книг, что пахнут плесенью и забвением.

За окном моросит серый дождь, а я роюсь в томах по мифологии, листая пожелтевшие страницы. Харон. Этот ублюдок взял себе имя из греческих легенд — перевозчик душ через реку мертвых, требует монету за переправу в ад.

Я читаю про него. Уродливый старик с бородой, в грязном плаще, с веслом в руках. Может, этот киллер видит себя таким — хладнокровным проводником в загробный мир, с платой в миллионах вместо обода. Но я не питаю иллюзий, черт, это всего лишь кликуха, а не ключ к его поимке.

Я перерыл все — от Гомера до современных интерпретаций, где этот Харон фигурирует в фильмах, как какой-то романтизированный демон. Ничего. Ни следа, ни намёка на реального ублюдка, что забрал Анжелику. Никаких параллелей. Или я слеп?

Олег звонил вчера — ничего. Глеб тоже облажался — его парни в подполье, что торгуют смертью за бабки, молчат, как рыбы.

Я чувствую себя беспомощным, как никогда. Я, тот, кто всегда брал, что хотел... Теперь сижу здесь, как импотент, что не может поиметь свою женщину. Беспомощность — это не мое, это для слабаков, что ссут в штаны при виде крови. Она угнетает. Неподъемной гирей давит на грудь, лишая возможности вздохнуть. Бью кулаком по столу, книги подпрыгивают, библиотекарь шикает.

— Прости, Анжи, я, кажется, облажался... — тру уставшие глаза и откидываюсь на спинку стула. Смотрю на часы — почти восемь вечера, пора домой.

Воспоминания о ней вспыхивают, как вспышки в темноте. От Анжелики осталась лишь дыра в сердце. Харон забрал ее, а я не могу даже найти его след. Встаю, швыряю книгу в стену, страницы разлетаются. Выхожу на улицу, дождь льет стеной. Я прячусь в машине и набираю Егору. Он сейчас работает в какой-то секретной организации.

Егор нехило поднялся после того, как раскрыл значимое дело не без моей помощи. Я тогда едва ли сам не присел за решетку, но у судьбы были другие планы.

— Мирон, здорово, — слышу его сдержанный голос.

— Здорово, брат. Есть инфа?

— Нет, Харон, блядь... Я просмотрел сводки за последние несколько лет, даже подключил того, кому доверяю, иначе сдох бы перед мониторами. Я как думал? Если ты берешь себе такую кликуху, то у тебя должны быть логичные с этим действия. Ну, например, монеты на глазах трупов, еще какая-то мифическая херня. Типа ритуала, понимаешь? Был у меня серийный убийца давно. Мне досталось его глухое дело. Он нет-нет, да всплывал пару раз в год.

Отличительная особенность его жертв — небольшой порез на подушечке безымянного пальца, едва ли заметный. Херня, казалось бы, да только так мы на него и вышли.

— Пиздец, ладно. Я в любом случае жду новости, хоть какие, хоть ерунду, зацепку. Что-то...

— Понял, друг. Надо ждать, такие профессиональные убийства — большая редкость. Они почти всегда идеальны.

Беспомощность душит ремнем на шее, но я загоняю ее внутрь, туда, где кипит злость. Пусть эти две суки развлекаются без меня. Надо абстрагироваться. Я должен быть выше эмоций.

Паркуюсь возле дома, отдаю ключи охраннику.

В холле меня встречает Назокат. Ее черные глаза скользят с тем осуждением, которое мне неприятно.

— Назокат, как дети? — спрашиваю, сбрасывая куртку, мокрая от дождя кожа липнет к рукам.

Она кивает, губы чуть кривятся.

— Яся спит, Мирон Андреевич. Играла весь вечер, вымоталась. Захар весь день был на соревнованиях по фехтованию. Тоже спит, как убитый.

Держит паузу, что-то еще хочет сказать, вижу, как она подбирает слова.

— В вашей спальне... подарок от Глеба. Но знаете, Мирон Андреевич, вам надо своей жизнью заняться, привести все в порядок. А не это... — она многозначительно смотрит на лестницу, ведущую на второй этаж, и уходит дальше по коридору.

Глава 12.1. «Подарок» Глеба.

Прошлое. Четырнадцать лет назад.

△#Глава очень откровенная. На сюжет не влияет, можно пропустить.

Я медленно поднимаюсь по лестнице. Открываю дверь. Спальня тонет в полумраке. Свет от лампы льется на кровать, где ждет эскортница.

Молодая, с идеальным телом. Длинные, светлые волосы струятся по плечам. Загорелая, гладкая, как стекло, кожа обтянута черным кружевным боди, что бережно обнимает полную грудь. Соски торчат сквозь ткань. Бедра округлые, будто специально выточены для моих рук.

Ее зеленые глаза блестят с наигранной похотью, но я вижу в них искру страха, что, несомненно, мне нравится. Она же знает, к кому Глеб ее отправил...

Снимаю рубашку, обнажая торс. Хочу сразу приступить к делу.

Невольно обращаю внимание на свое тело в зеркале, вижу, как бугрятся мышцы под кожей. Прибавилось несколько синяков и не зажившая рана на плече.

— Ну что, подарок, покажешь, на что годишься? — спрашиваю низким голосом, обещая ей боль.

Она встает, покачивая бедрами, открывает рот.

— Меня зовут...

— Мне по хер, как тебя зовут, — перебиваю, шагая ближе. Рука грубо хватается девчонку за горло. Пальцы сжимают, не до удушья, но достаточно, чтобы она задрожала. Боди срываю я сам. Кружево рвется, обнажая тяжелые, с розовыми сосками, груди, что твердеют под моим взглядом. — На колени.

Она медленно опускается вниз, позволяя страху нарастать. Я хватаю ее за волосы, дергаю, запрокидывая голову, вдавливая ее лицо в свой пах.

Ремень уже расстегнут и брюки падают, высвобождая твердый, как сталь, пульсирующий в предвкушении член. Она открывает рот. Горячие, влажные губы крепко обхватывают, и я толкаюсь глубже, до самого горла...

Ее стоны заглушены, слюна течет по подбородку. Я рычу, двигаю бедрами, трахая ее рот без пощады. Руки красотки цепляются за мои бедра, а ногти впиваются, оставляя красные полосы. Я вытаскиваю член из ее рабочего рта, толкаю на кровать. Девчонка падает, ее тело пружинит на мягкой перине, а грудь красиво колыхается.

Она, кажется, напугана. Смотрит на меня растерянным взглядом, ожидая подвоха. Я наваливаюсь сверху и прижимаю ее весом, впиваясь пальцами в бледную кожу, развожу ее бедра в стороны.

Проникаю резко, одним движением, растягивая и заполняя членом. Она, выгибаясь, кричит. Прижимаю ее запястья к матрасу и впиваюсь зубами, впиваются в шею. Губы до боли всасывают нежную кожу, оставляя синяки, что скоро расцветут, как цветы моего ада.

Я двигаюсь жестко. Каждый толчок, как удар, глубокий, до предела. Горячие и влажные стенки сжимаются внутри нее, пот льет по моей спине от быстрого темпа, а острый запах секса заполняет комнату.

Переворачиваю ее, ставлю на четвереньки, хватаю за волосы и сильно шлепаю по заднице. Кожа краснеет, а сучка стонет громче. Дергаю сильнее длинные волосы, оголяя шею, и вхожу сзади максимально глубоко.

Имею ее грубыми ударами в своем излюбленном быстром темпе. Ее тело дрожит, грудь трется о простыню, возбуждая меня еще сильнее.

Тянусь рукой под нее, нахожу пальцами бугорок клитора, сильно прижимаю его. Она кричит и оргазм разрывает тело. Девчонка бьется в судорогах, закатывая от наслаждения глаза, но я не останавливаюсь, продолжаю двигаться.

Рычу, впиваясь зубами в ее плечо, пока не ощущаю вкус соленой крови на языке. Она совсем притихла и, кажется, боится дернуться. Кончаю. Горячая сперма заполняет ее.

«Подарок» дрожит, ноги подгибаются от моего веса. Наконец я падаю рядом. Дыхание неровное, но злость не покидает, а только притупляется. Я не получаю должной разрядки, сам не понимаю, отчего. Видимо, напряжение проникло куда глубже, чем я думал.

Пот стекает по моему торсу, как масло по раскаленному железу. Мышцы блестят, шрамы горят под мягким светом ночника. Девка лежит рядом. Ее тело, покрытое алыми следами от моих зубов и рук, дрожит. Через какое-то время она тихо переворачивается и явно собирается сбежать...

Но зверь во мне не унимается. Он ненасытно скалится, требуя не отпускать... Все еще твердый член пульсирует, требуя продолжения.

Она пытается встать. Каштановые волосы липнут к потной спине, зеленые глаза полны страха, но я впиваюсь пальцами в ее запястье.

— Принцесса, мы еще не закончили, — рычу низким сиплым голосом.

Ее зрачки расширяются. Бормочет что-то, но я не слушаю, тяну ее обратно на кровать и наваливаюсь сверху, снова придавливая девчонку весом. На мгновение наши взгляды встречаются, она действительно напугана. Но мне по херу.

— Не надо... Прошу.

Переворачиваю ее на бок, одну ногу закидываю себе на плечо. Кожа ее бедра такая гладкая, горячая и еще без единой ссадины... Я захожу резко, растягивая ее членом. Теперь «подарок» идеально подходит под мой размер. Проникаю глубже, она кричит. Голос срывается в хрип, девчонка выгибается всем телом.

— Я все равно возьму свое, не сопротивляйся, — выдыхаю ей в ухо. — Терпи.

Каждый новый удар сильнее вбивает ее в кровать, оставляя влажные следы на простыне. Я делаю это по привычке жестко, неумолимо. Хватаю ее за волосы, небрежно наматывая пряди на кулак. Дергаю сильнее, оголяя красивую шею. Впиваюсь зубами в кожу, но не давлю, просто демонстрирую ей, что она сейчас моя.

Лижу ее, рычу, двигаюсь быстрее, получая то самое неистовое наслаждение, которого так давно не испытывал. Я хочу получить от нее все! Запах секса, одурманивая, знакомо режет ноздри. Ее ногти царапают мои плечи, рвут кожу, кровь капает на простыни.

Она пытается отползти, но я хватаю подарок за лодыжку и возвращаю на место, бесцеремонно проникая внутрь. Шлепаю ее по заднице тяжелой ладонью. Она стонет. Рычу громче прямо в ее приоткрытые губы.

Вытаскиваю своего зверя, переворачиваю ее на живот и прижимаю лицом к подушке. Она пытается сопротивляться, всхлипывает, но ее крики глушатся.

— Заткнись, тебя же для этого сюда отправили. Работай.

Ее аппетитная задница торчит, как вызов. Я раздвигаю ягодицы грубыми пальцами и любуюсь зрелищем. Направляю член в самое уязвимое место. Вхожу в анал, медленно, но безжалостно, растягивая ее.

Красотка притихла, но тело все еще беспомощно бьется. Крепко держу девчонку за бедра, сильнее впиваясь пальцами в бедра. Толчки становятся глубокими, ритмичными. Ее стоны переходят в вой, но я продолжаю долго, с особым пристрастием, потому что секса у меня не было уже очень давно... Глеб словно знает, когда нужно подослать девку.

Она внезапно мощно кончает, содрогаясь в моем ритме. Но я не останавливаюсь, зверь во мне ревет, требуя больше от этой продажной девки.

Вытаскиваю член, переворачиваю ее и присаживаюсь на грудь. Вхожу глубоко в рот, до самого горла. Ее глаза слезятся, но я двигаюсь, трахаю ее рот, как одержимый. Пот заливает глаза, член пульсирует, и я кончаю.

Отдаюсь дикому, необузданному наслаждению, полностью вырубаящему мозг на гребанные полминуты. Горячая сперма заполняет мягкий рот. Она давится, но глотает. Я падаю на кровать. Сердце учащенно бьется, как после хорошей тренировки.

Вот теперь я доволен.

Моя новая подруга дрожит, пытается встать, но ноги подгибаются. Она оглядывается на меня, словно спрашивает взглядом, потому что боится произнести вопрос вслух.

Зверь внутри все еще скалится, вынуждая член снова твердеть, как будто не было двух оргазмов. Конечно, я принесу ему эту жертву...

— Я еще не отпускал тебя, — твердо произношу я и встаю.

Тяну ее к себе, прижимаю спиной к стене.

— Я больше не могу... — шепчет она.

— Ты в групповухах не принимала участие? — я делаю удивленный вид. — Ну, когда тебя имеют по очереди или... сразу двое или трое.

— Нет, я недавно в этом, — совсем тихо, почти шепчет "подарок" и отводит взгляд.

— Ну, считай, что сегодня ты проходишь боевое крещение, — мягко улыбаюсь, почти нежно поглаживая длинные волосы и плечи. — После меня тебе уже не будет так страшно.

Она дергается к двери, но я резко хватаю ее за плечо и прижимаю к стене.

Поднимаю девчонку, используя стену, как опору и резко толкаю бедрами, опуская ее ровно настолько, чтобы мне было удобно иметь ее. Длинные ноги обхватывают мои бедра, прижимаясь еще сильнее, ведь у нее нет других вариантов.

Я трахаю ее стоя, позволяя внутреннему чудовищу и бушующей в его сердце буре драть сучку без жалости.

Быстрые и сильные фрикции отзываются ее криками и стонами. Ногти рвут мне шею до появления узких полосок крови. Я кончаю снова, заливая ее бедра потоками горячей спермы.

Она стонет, а я накрываю ее губы ладонью. Девчонка, покрытая потом, кровью и синяками, бьется в оргазме, падает на пол, когда я... отпускаю. Эти трофеи она сегодня унесет с собой...

Равнодушно окидываю ее взглядом и падаю на кровать, восстанавливая дыхание. Она боится пошевелиться, сидя на коленях.

— Ты свободна...

Глава 13. Захар. Лгунья!

Я мчусь по мокрым улицам. Погода настолько мерзкая, что я бы неделю провалился под одеялом.

Живот урчит. Весь день носился по нашим делам. Встречи, сделки, те, что оставляют привкус бабла на языке. Голод грызет изнутри, и я сворачиваю к ближайшему магазину с неоновой мерцающей вывеской. Паркуюсь резко, машина скользит шинами по асфальту. Быстро выскакиваю.

Внутри пахнет свежей выпечкой и кофе, что провоцирует слюну. Я хватаю с полки пару сэндвичей с ветчиной, готовый обед, чипсы и бутылку воды. Пальцы дрожат от усталости, но в голове еще пульсируют нерешенные задачи, которые надо срочно завершить к вечеру.

И тут я вижу ее — в проходе с фруктами! Она стоит, выбирает яблоки, этот силуэт узнаю сразу.

Маша.

Та самая, которую я пустил в наш дом. Волосы собраны в хвост, ноги сексуально обтянуты джинсами и куртка, что не скрывает изгибов. Сердце колотится, как барабан в ритме погони, я прячусь за стеллажом с консервами. Адреналин бурлит в венах. Она платит, шурша пакетом в руках, и выходит. Я бесшумно крадусь следом. Сердце стучит, голод забыт, теперь жажду только ответов.

Она ныряет в узкий переулок.

— Маша! — зву ее, разрезая тишину уверенным басом.

Оборачивается, узнала. Ставит пакет на землю, пара яблок все же убегает.

— Ты поедешь со мной, — уверенно приказываю, шагая ближе.

Она усмехается, губы изгибаются в самовлюбленной улыбке, что делает ее похожей на королеву, что смотрит на плебея.

— О, Захар, привет. Ты веришь, что можешь меня заставить? — ее голос льется, как мед с шипами. Высокомерный, полный странной уверенности, что пробуждает во мне не только злость...

Я преграждаю путь, тянусь рукой к ее плечу, но она движется молниеносно. Пальцы впиываются в точку под ключицей, острая боль вспыхивает внезапно. Маша не теряет времени — точный удар в челюсть, колено — в живот. Ноги подкашиваются!

Я скрючиваюсь на мокром, холодном асфальте. Дыхание сбивается, а мир кружится. Проклятье, как это?! Не могу поверить...

Она наклоняется ближе. Ее теплое дыхание с ароматом мяты касается моего уха.

— Захар, трахаешься ты лучше, чем дерешься.

Она улыбается, глаза блестят драгоценностями в сумерках.

Я хриплю, боль жжет.

— Шпагой я машу куда лучше, чем кулаками.

Она тихо хохочет. Наклоняется еще ближе, губы Маши почти касаются моего уха.

— Я все о тебе знаю. Твои шрамы, твои победы, даже то, как ты дышишь в разгар боя. Ты думаешь, я не видела, как ты двигаешься? Да, ты хорош... Но здесь, в переулке, ты мой. Может, хочешь повторить нашу ночь? Ябы не отказалась снова принять твой... меч.

— Шпагу... — я ухмыляюсь, осознавая всю комичность ситуации.

Пытаюсь встать, боль отступает, но медленно, как туман на рассвете.

— Не юли. Зачем ты притащила бомбу в наш подвал? Что тебе нужно от моей семьи? На кого ты работаешь?

Она выпрямляется, загадочно улыбаясь, поправляет волосы и не спешит давать мне ответ.

— Слишком много вопросов. Отвечу лишь на один. Деньги решают все, милый. Или... месь.

Она подмигивает и скрывается в тени переулка. Слышу ее отдаляющиеся легкие шаги.

Я сижу на мокром асфальте, пытаюсь унять боль, которая пульсирует в ребрах, как ток в проводах. А слова Маши «деньги или месь» — заезженным треком крутятся в голове. Ее силуэт растворился в переулке, но запах ванили и наглая улыбка все еще цепляют крючками.

Черт, я не ждал, что она так дерется! Сердце колотится, адреналин бурлит. Я выхватываю телефон, скольжу пальцами по мокрому экрану, набираю отца. Гудки режут тишину, пока он не отвечает.

— Захар, что там?

— Отец, я нашел Машу, — выпаливаю, задыхаясь, как после спарринга. — В магазине, случайно. Пытался ее привезти, но она... Черт, она меня уделала, как пацана. Дерется, как профи, я еще не отошел. Сказала что-то про месь. Что за херня, отец?

Он секунду молчит, и я слышу, как он затягивается сигаретой, выдох тяжелый, как выхлоп его тачки.

— Месь, говоришь? — тянет он напряженным голосом. — Много кто хочет мне отомстить, Захар. Список длинный, как мой хер. И половина из них уже в могиле. Эта сука знает больше, чем говорит, само собой.

Он замолкает, и я слышу, как он швыряет что-то — стакан или бутылку по характерному звуку стекла.

— Пригляди за Ясей, чтобы ни одна тварь к ней не подобралась. Я свяжусь с Олегом, он перетряхнет камеры в районе магаза, попробует выцепить эту Машу. И не облажайся снова.

Я киваю, хотя он не видит, встаю, боль в ребрах все еще ощутимо режет.

— Понял, отец. Яся под присмотром.

Холодным утром мы стоим на придворовой территории. Я прячу руки в карманах куртки, чтобы не дрожали от недосыпа и нервяка. Мирон рядом, его лицо, как всегда, каменное, но глаза горят. Отец над чем-то размышляет.

Сеня лыбится, как кот, что стащил сливки. Дым от сигареты вьется в воздухе, смешиваясь с запахом мокрого асфальта. Вообще, Сеня прикольный. Весь в ранах и шрамах от пуль, старый друг отца.

Яся выходит из дверей здания. Ее синие пряди блестят под утренним солнцем неоновыми нитями, невольно притягивая взгляд. Она довольная и сияющая подходит к Мирону, целует его в щеку, мягко касаясь губами небритой кожи.

— Пока, пап, — она говорит звонким голосом, с особенной нотой теплоты, что заставляет сердце дрогнуть, и протягивает мне кулачок для удара. — Я сегодня буду поздно, надо готовиться к зачетам с Авророй. Но, не беспокойся, Максим меня привезет.

Почти нежно мы бьемся кулачками, и она уходит к машине, где за воротами охраняемой территории ждет Максим... Черт бы его побрал.

Я замечаю, как Мирон замирает. Его глаза расширяются, но он держит лицо, как будто ему по хер, хотя я знаю, он взволнован.

— Что это за тип на ржавом корыте забирает Ясю? — сипло интересуется Мирон, поворачиваясь ко мне.

Я открываю рот, но Сеня опережает, ухмыляясь, как будто знает все тайны мира.

— Это Максим, сын Ленки, — говорит он, затягиваясь сигаретой, выпуская дым кольцами.

— Какой, к черту, Ленки? — отец хмурится и провожает взглядом удаляющуюся машину Максима.

— Ленки Сотниковой, — спокойно отвечает Сеня, его глаза блестят, как у шулера, что сдал козырь. — Ну, той, что раньше тусовалась с Анжеликой, пока они не разругались. Которая шпионила за ней по вашей... договоренности.

Мирон багровеет, напрягая челюсть.

— Да чтоб его! Не позволю этому ублюдку и на метр к Ясе подойти! — рычит он, а вены на шее вздуваются.

Сеня хохочет, издавая грубый звук.

— Что, закопать его, что ли, Мирон? Я могу устроить, скажи только слово.

Отец закуривает сигарету, и ухмыляется, но зло, как-то по-волчьи.

— Сначала поговори с ним. Угрожай. Можешь даже избить. Потом посмотрим, как он бежит с переломанными ногами.

Я стою, молчу, но внутри все переворачивается от злости. Яся с Максимом. Я видел, как он шепчет ей на ухо, как она улыбается, будто он подарил ей звезды, и это воспоминание жжет. Но, возможно, это мой шанс действительно избавиться от Максима. Он не должен быть с Ясей, я чувствую в нем какой-то подвох. Она переживет и найдет себе нормального парня.

— Яся расстроится, — специально выпаливаю я своим привычным басом, будто мне все равно.

Они оба смотрят на меня: Мирон с прищуром, а Сеня с ухмылкой.

— Расстроится? — фыркает Мирон, выпуская дым из ноздрей, как огнедышащий дракон.

— Конечно, у них же все серьезно, — продолжаю я подливая масла в огонь.

— Что у них серьезно, Захар? В девятнадцать лет ничего серьезного не бывает.

— Ой, да ладно, Мирон, — влезает Сеня и гремит смехом, как старый мотор. — Я с Дианой с восемнадцати, и посмотри на нас — четверо детей, и она до сих пор трахается, как богиня. Отдается, как будто завтра конец света. Обожаю ее!

Мирон вздрагивает, его сигарета чуть не падает, глаза расширяются в недоумении.

— Ты хочешь сказать, что моя Яся уже не девственница? — рычит он, а голос вибрирует от ярости.

Я внезапно чувствую, как кровь стынет в жилах, потому что эта мысль, что Яся с Максимом, ее тело под ним — вырубает меня нокаут. Я не думал об этом! Черт, не хотел думать! Но теперь картинка в голове, как огромная заноза, а притаившаяся в сердце ревность, снова пожирает.

— Друг, ей уже почти девятнадцать. Когда по-твоему будет подходящее время? В двадцать или двадцать пять? Тридцать? — продолжает Сеня, заступаясь за сестру.

Отец молчит, сосредоточенно уставившись в одну точку.

— Она не девственница, Захар? — наконец спрашивает он.

Я сглатываю, горло сухое, как пустыня.

— Я же не ее подруга, чтобы она мне такие секреты выкладывала, — откровенно признаюсь я, стараясь сохранять голос ровным.

Мирон смотрит на меня пронзительным взглядом.

— Отгони его, Захар, — рычит он и сигарета отправляется в урну. — Недельку, другую. Потом еще, пока этот Максим не поймет, что Яся не для него. Договорились?

Я киваю, но внутри все рвется, как паруса в бурю. Яся с Максимом встречается пару лет, но знает она его гораздо дольше. И мысль, что она отдается ему, смеется с ним, делит с ним ночи — надежно поселилась в моем мозге. Я должен защитить ее, как брат... Я направляюсь к машине, но мятежное сердце с тревогой колотится.

Сижу в тесной комнате Олега, воняет энергетиком и перегоревшей электроникой. Мониторы мигают, вынуждая напрягать зрение и тереть глаза. Олег, с всклокоченными волосами и глазами, красными от недосыпа, щелкает по клавиатуре, как одержимый.

Мы весь день ищем следы Маши, но она, как призрак, что дразнит и исчезает.

Камера в магазине поймала ее — светлые волосы, уверенная походка, пакет с фруктами в руке. Но после переулка, где она уделала меня, она словно растворилась!

Олег прогнал лицо через базы, взломал городские камеры, даже копался в логах такси, но ничего. Ни тени, ни намек.

— Захар, твоя деваха — как код без отладки, чистый ноль, — недовольно бормочет он, не отрываясь от экрана, продолжая увлеченно клацать пальцами.

Но покоя мне не дает все же Яся. Утром она сказала, что задержится в институте, будет готовиться к зачетам, ее голос был легким и обычным. Но что-то в этих словах, в том, как она избегала моего взгляда, загло во мне нехорошее предчувствие. Я не могу сидеть на месте, ноги сами несут меня к машине.

— Копай дальше, найди хоть что-то, — бросаю ему на ходу.

Он кивает, не отрываясь от монитора, а я уже бегу к машине.

Тороплюсь. Дождь хлещет по стеклу, дворники недовольно скрипят.

Я подъезжаю к институту, паркуюсь отдаленно, чтобы не светиться. Удача на моей стороне — через десять минут вижу Ясю. Она как раз выходит из здания, поднимает ворот оранжевой куртки, а рядом — Максим, этот смазливый ублюдок со слащавой ухмылочкой, что просит кулака. С ними неизменная подружка Яси — Аврора и еще пара студентов. Они садятся в старый внедорожник Максима, блестящий от дождя, как его наглая морда, и уезжают.

Завожу мотор, сердце снова бьется, как будто я болен тахикардией. Еду следом, соблюдая дистанцию. Намеренно отстаю, чтобы не спалиться.

Дорога петляет, город мелькает за окном, огни отражаются в бесконечных лужах. Кампания останавливаются у серого жилого дома с граффити на стенах. Я паркуюсь недалеко, и вижу, как они выходят — Яся, Максим, Аврора и те двое. Смеются, толкаются, как будто им плевать на весь мир. Максим держит Ясю за талию. Его пальцы нагло лезут под край ее куртки, и я хочу выколоть себе глаза! Ревность вспыхивает, но я подавляю ее, потому что я брат, а не...

Они скрываются в прдъезде, железо выстрелом лязгает, и я пялюсь на закрытую дверь. Остаюсь один, ужасно злой, все с тем же дурным предчувствием. Что они там делают? Неужели действительно все вместе готовятся к зачетам? Или что-то, о чем я не хочу думать, но не могу не думать?

Уже окончательно стемнело. А я еще сижу в машине. Глушу крепчайший обжигающий и отвратительный эспрессо из бумажного стакана, чтобы не вырубиться.

Глаза горят, веки тяжелеют, но я держусь. И тут наблюда

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.